

Митрополит Леонид (Поляков): Слово в Неделю 14-ю по Пятидесятнице (Мф.22,1-14)

Проповедь

Наставляя народ, как надо готовить себя к Царствию Божию, Господь Иисус Христос поучал притчами. В сегодняшнем евангельском чтении мы слышали притчу, в которой Спаситель говорит, что Царство Небесное подобно человеку царю, который устроил брачный пир для своего сына и послал слуг звать гостей на пир. Но те не хотели прийти. Он снова послал пригласить их, но они, занятые, кто семейными делами, кто торговлей, кто работой в поле, не только не пошли, но еще и оскорбили, обидели посланных слуг и даже убили некоторых из них. Царь разгневался и наказал их. А слугам сказал: «Так как званые не были достойны, то идите повсюду, на перекрестки дорог, и зовите всех на мой пир». Слуги собрали отовсюду всех, кого только нашли, и брачный чертог наполнился. Но вот, когда вошел царь и увидел одного человека, одетого не в брачную одежду, то обратился к нему: «Друг, как ты вошел сюда не в брачной одежде?» и велел слугам своим удалить его с пира, «ибо, — добавил Господь, — много званых, но мало избранных».

Такова притча, предложенная нам в евангельском чтении. Притча эта глубоко содержательна и поучительна. Царь, устроивший пир, — Бог. Брачный пир — Царствие Божие, уготованное Им ради Своего Единородного Сына. Приготовлено оно для ангелов и людей. Ангелы в нем уже блаженствуют, «непрестанно видя лицо Царя Небесного» (Мф 18: 10). Людей Господь хочет также ввести в это Царство не насильно, не принуждением, но по доброй воле Он зовет их прийти к Нему (Мф 11: 28). Зовет Господь и голосом совести, и через Церковь Свою, через пророков и апостолов, пастырей и учителей Церкви.

Господь сперва послал звать избранный народ Божий, который должен был стать основателем Царствия Божия на земле. Но этот избранный народ, в большинстве своем занятый земными интересами и ожиданиями, не захотел прийти на царский пир, не захотел войти в это Царствие Божие, и даже многих из посланных — пророков — оскорблял и убивал, потому что этот званный народ не того ожидал. Ему хотелось многого, хотелось соответственно своим пристрастиям. Народ не был доволен, а в душе он сознавал, что у него нет «брачной одежды», он не чувствовал себя подходящим для этого Царствия и негодовал.

Царь за оскорбление и поругание наказал званых, не пришедших, и повелел пригласить на пир «с распутий», иначе говоря, Господь повелел обратиться ко всем народам языческим, ко всем — добрым и злым, богатым и бедным, и всех звать в Свое Царство. И наполнился пир. Вошли в Царство Божие, в Церковь Христову все званые.

Но «много званых, а мало избранных». Пришли и такие, которые увлекались внешне, а в действительности тоже не подходили для этого Царства, так как были «не того духа». Не все призванные на пир разделят его с Женихом, а только те, кто окажется достойным. Не все наследуют Царствие Божие, а только те, кто будет иметь «брачную одежду», кто будет облачен добрыми делами, кто будет обладать духом Христовым, у кого мысли и желания будут не свои, а сообразные с волей Божией.

Мы здесь, в Церкви Христовой, как бы в преддверии пира, а самый пир, вкушение блаженства, начинается там, у Господа, после того, как Он Сам придет на пир и проверит званых — все ли

они достойны. И недостойные будут изгнаны вон, «во тьму».

Те, кто останется в Царствии Божиим, будут во «свете», в лицезрении Господа испытывать неизреченное блаженство. А те, кто недостойн, окажутся в удалении от Господа, «во тьме», во мраке душевном, а отсюда и скорбь невыразимая, и страдания. И это не только потом, но уже и теперь: избранные и теперь уже обладают душевным миром, а просто званые — лишь внешне христиане, а по духу — язычники, так как преисполнены злобы, вражды, ненависти.

Пока есть еще время, пока еще не поздно, пока Господь зовет нас на брачный пир, поспешим соткать себе брачную одежду для этого пира, одеть душу свою добрыми делами любви и милосердия, чистоты и правды! «Чертог Твой вижу, Спасе мой, украшенный, и одежды не имам да вниду в оны. Просвети одеяние души моея, Светодавче, и спаси мя!»

Аминь.

Священник Георгий Кочетков: Проповеди на Рождество Христово и святки (январь 1992г)

Проповедь

6 января. Слово перед утреней.

Дорогие братья и сестры! Вы знаете, что сегодня, поскольку это не суббота и не воскресенье, — сочельник, строгий пост, а поэтому литургии сегодня не положено. Литургия по древнему обычаю должна была бы совершаться вечером, сразу после крещения просвещаемых. Это была бы первая праздничная рождественская литургия. В большинстве храмов она сейчас перенесена на утро, и это немного непонятно, потому что весь смысл устава следующего дня как раз в том, что утром ее совершать нельзя, поскольку строгий пост. Литургия же завершает пост, Евхаристия отменяет пост — по самому первому христианскому принципу. Поэтому мы с вами сегодня совершим только утреню, как положено по уставу, потом — великие (царские) часы: первый час, который соответствует 7 часам утра, потом третий, шестой, соответствующий полудню, далее девятый час, который соответствует 3 часам дня, и изобразительны. Изобразительны — это служба, которая является как бы неким аналогом литургии, но без литургии верных, без приношения. Изобразительны и совершаются именно потому в этот день, что утром по уставу литургию совершать нельзя. И если бы мы служили в монастыре (а ведь мы с вами служим именно в монастыре), нам можно было бы много раз собираться в течение этого дня, чтобы сначала завтра рано, до рассвета, отслужить утреню, в 7 часов утра — первый час, в 9 часов — третий, и так до 3-х часов дня, после чего мы могли бы совершить изобразительны, а вечером, в 6 часов, — вечерню. Мы так и сделаем — в 6 часов начнем вечерню, хотя обычно в наших храмах и она совершается всегда утром, что тоже немного непонятно, ибо как можно вечерню совершать утром? Она же обычно сразу переходит в литургию Василия Великого, т. е. совершается на месте первой части литургии — литургии оглашаемых.

Мы услышим сегодня за вечерней множество паримий — чтений из Ветхого завета, связанных с Рождеством Христовым. В древности в этот момент было положено крестить оглашаемых. Их никогда не крестили в храмах. Оглашаемым вообще далеко не всегда разрешалось бывать в храме. И крещение совершалось не в храме, а в баптистерии, в помещении, расположенном

рядом с храмом. Именно там, пока в храме читали паримии, епископ, архиерей, совершал крещение, а затем миропомазание. Потом все входили в храм, точнее, в церковь, для того чтобы совершить литургию, и тогда заканчивалось чтение паримий.

Вот так было в древности, так совершалось богослужение. Это все имело глубокий смысл. Все это соответствовало сочельнику. Сочельник на Рождество — это особый пост, как вы знаете, когда не положено ни есть, ни пить, только в конце дня разрешено такое «сочиво», куда входит все самое-самое постное — вареная пшеница, и может быть немного меда и какие-либо фрукты. Строгому посту соответствовали и строгие богослужения. Мы с вами, к сожалению, не можем сейчас распределить соответственно по времени дня четыре службы часов, которые будем совершать. О начале каждого часа вы сможете узнать по призыву: «Приидите, поклонимся Царю нашему — Богу». Вот, мы увидим, как этот призыв собирает на молитву всех желающих. Так и раньше в храмах и монастырях собирали на молитву, говоря: «Приидите, поклонимся и припадем к Самому Христу, Царю и Богу нашему».

Итак, сегодня после утрени мы будем, к сожалению подряд, читать все четыре службы часов, тем более, что мы не будем иметь возможности крестить наших оглашаемых во время вечерни. Этого мы пока никак не можем, поэтому надеемся крестить их не на вечерне, а перед вечерней. Такие сдвиги неизбежны в нашей ситуации, потому что время наше сильно отличается от того, когда писался церковный устав. Раньше на маленький город в несколько тысяч человек полагалось множество храмов. В каждом храме была небольшая община — 40-50 человек. Правда, крещение совершалось всего несколько раз в год и не в каждом храме, а только в кафедральном соборе. Но в каждом маленьком городке был и свой епископ, значит, был и свой главный, кафедральный храм.

В 3 часа у нас будет крещение просвещаемых, в 6 часов — вечерня, потом — великое повечерие.

Слово на крещении после Евангелия

Дорогие братья и сестры! Вот вы облачились в белые одежды, вы даете обещание Богу жить по доброй совести, всею доброй совестью служить Богу так, как сказал однажды об этом апостол Павел. Если раньше вы были действительно рабами — рабами обстоятельств, рабами греха, рабами болезни, рабами родных, рабами дальних, рабами работы, рабами общества, то теперь вы уже не рабы. Теперь вы не рабы даже Богу, если вы любите Его. И в ту меру, в какую вы Его любите, в ту меру вы свободны. Совершается великое таинство Откровения Тайны Божьей Любви и Свободы, которые нисходят в наши сердца вместе с благодатью.

Братья и сестры, пусть этот Дух всегда живет в вас, пусть это Откровение никогда не отступает от вас. Утверждайтесь в Вере, утверждайтесь в Любви, утверждайтесь в Свободе даже тогда, когда вам будет страшно от того, сколь бездонна эта Тайна. Никогда не отступайте, не старайтесь опереться на что-то иное, кроме Бога. Ничто в этом мире не может быть теперь опорой для вас. Если раньше что-то и могло, то теперь не может. Даже если вы попытаетесь опереться на что-то, это «что-то» не выдержит вас. Теперь вы иные, и вы не сможете вернуться назад — или уж нужно будет пасть ниже того, что было, и не дай Бог этого никому, или уж идти только вперед, только вверх, только к Небесному Царству.

Господь призывает нас с вами соблюдать все, что Он повелел нам, и Он обещает быть с нами во все дни до конца. И даже не нашего конца на этой земле, а до конца самого этого мира. Да, трудно соблюсти то, что Господь нам заповедует. Очень трудно, потому что это есть самое легкое бремя. Бремя той же Любви, того же Духа, того же Света. Но соблюсти заповедь о Любви, «новую заповедь», призваны именно мы.

Однако одному с этим не справиться никогда, никакое индивидуальное покаяние не сможет вас привести к цели. Именно в Церкви, именно в братском союзе друг с другом, в этом единомыслии, в этом единодушии, которого в большей степени еще надо будет достичь в будущем, только в этом единодушии и единомыслии можно поднять это легкое бремя — бремя Христово.

Это легкое бремя в то же время есть наш крест. Тот крест, образ которого каждый из вас теперь носит на теле. Пусть же он будет вашим крестом внутренним, ибо этот крест тоже есть образ трагедии Любви в этом мире. И вам придется пройти через Голгофу, и вам придется пройти через эту трагедию, испытав ее на себе, в своей жизни. Если же нет, значит, вы идете не за Христом. Если вы стремитесь только облегчить свою жизнь, облегчить по меркам мира сего, то вы еще идете не за Христом.

Нам всем придется еще не однажды корректировать свой путь, уточнять его. Вы сейчас нашли направление пути — это самое важное, но этого еще мало. Теперь нам следует идти путем освящения и путем преображения — преображения себя и мира. Этот путь открыт теперь вам, и ангелы будут служить вам.

Аминь.

Нам всем придется еще не однажды корректировать свой путь, уточнять его. Вы сейчас нашли направление пути — это самое важное, но этого еще мало. Теперь нам следует идти путем освящения и путем преображения — преображения себя и мира. Этот путь открыт теперь вам, и ангелы будут служить вам.

Аминь.

Слово после крещения

Дорогие братья и сестры! Поздравляю всех вас с Рождеством! И тех, кто крестился, и кто миропомазывался, и всех тех, кто присутствует в храме. А здесь в храме — самые близкие новопросвещенных, те, кто готовился вместе с ними к воцерковлению, и их катехизаторы, кто-то из родных и друзья. Поздравляю всех с этим явлением Света!

Господь говорит, что отныне вы узрите небо отверстым и ангелов Божиих, нисходящих и восходящих к нему. Как действительно велика эта тайна! Видимо, Господь ставит Свое творение, человека, выше ангелов, выше природных чинов. И сегодня, братья и сестры, для всех вас начинается особый период — как бы «светлая седмица».

Сегодня вечером, после службы, для новоцерковляемых, которые приходят в Церковь через покаяние, будет исповедь, и на разрешительную молитву, наверное, надо будет подойти всем. Тут я хотел бы вам сказать, что мы с вами можем иметь дерзновение восстановить еще одну маленькую деталь церковного предания, связанного с Крещением. Мы не будем сейчас же совершать все чины «восьмого дня», которые обычно в наше время присоединяются к крещению. Эти чины означают омовение знаков мира после снятия белых одежд и первое пострижение, как бы первую жертву собою и своим ради Бога. Мы имеем возможность сделать это через неделю, на реальный восьмой день, когда вы завершите свою воистину светлую седмицу, когда святые дни, святки, для вас действительно будут знаменательны не гаданиями, не гуляниями и празднествами, а ежедневным причащением, причастием, приобщением Святым Христовым Тайнам. И вот тогда-то, 14 числа, в следующий вторник, мы с вами после литургии и совершим этот чин.

Для того, чтобы вы как бы привыкли к тем белым одеждам, которые сейчас на вас, привыкли так хорошо, чтобы вам не хотелось их лишаться, на литургии стойте в них. А лишиться их очень легко, братья и сестры. Вы знаете, что наша христианская вера никому никаких гарантий никогда не давала и не дает. Все гарантии только внутри, только в сердце, в свидетельстве совести вашей. Вот поэтому не внешним исполнением закона, но жизнью во Свете, в правде Божией и во Истине сохраните ваши белые одежды незапятнанными. Тем более, что на самом деле в белые одежды облачаются все новоцерковляемые, хотя внешне, может быть, это и не так видно, как у новокрещеных. Слава Богу, что Господь привел всех вас к такому дню!

Я еще раз всех вас поздравляю. И сейчас, после небольшого перерыва, начнется торжественное праздничное рождественское богослужение. Мы отслужим великую вечерню с чтением всех паримий, которые были подобраны церковью не только в связи с праздником Рождества, но и в расчете на происходящее в это время крещение. Да и само Рождество родилось из торжества Крещения, потому что Сам Христос рождается в новокрещеных, так же как на Пасху, когда мы крестим, то знаем, что Христос воскресает в новопросвещенных. И действительно, происходит то Богоявление, то Богообщение, ради которого существуют и праздники, и обряды, и все, все на этой земле.

Дай же Бог вам, как и вашим крестным, вашим близким, вашим катехизаторам, вашим родным и друзьям благодати Божией, неубывающего Света Христова!

Аминь.

Слово на вечерне после паремий

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Братья и сестры, христиане!

«Дева во чреве примет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил, что значит: с нами Бог». Мы не однажды слышали сегодня в храме эти слова пророчества — и в песнопениях, и в чтениях из Священного писания, потому что воспоминаем с вами то предчувствие, которое было дано человечеству, то предвкушение Рождества Спасителя, которое человечество имело.

Братья и сестры, действительно, в этот день мы с вами вспоминаем родившегося Спасителя, Который пришел, родившись от Девы, от чистой Девы Марии, ставшей венцом чистоты, явленной человечеству. Мы с вами вспоминаем Спасителя, Который пришел для того, чтобы заключить между Богом и народом Божиим Новый Завет и образовать новый народ, для того чтобы уже никто не мог сказать: «Я не знал, я не слышал, я не мог». И когда мы слышали сейчас пророчество о том, что на горе Господней будет заключен Новый Завет, где не будет никакого зла, не будет никакого греха, никакой вражды между людьми и даже между животными, мы, конечно, благодарили Господа в сердце своем, ибо уже ныне мы с вами видим и предощушаем явление Небесного Царства, которое открывается посреди нас.

Конечно, еще много немощей и болезней между людьми, еще много того, что следует преодолеть людям на пути к Небесному Царству. Оно открывается сейчас, оно открывается здесь, хотя полнота его принадлежит будущему, метаистории. Но, как говорили святые отцы, если человек здесь не вкусит жизни вечной, то не получит ее и в будущем. Поэтому, братья и сестры, мы радуемся тому, что видим здесь тех, кто стоит в белых одеждах, кто стремится преодолеть все свои немощи и грехи, кого омыл Господь Своею любовью, Своей благодатью. И каждый из нас, крещеный во Христа, облачается во Христа. Пусть иногда это спасение

приходит нелегко, и Небесное Царство утверждается в этом мире с большим усилием, тем не менее мы знаем: Господь воплотился, Господь умер за нас и воскрес, Господь дал нам дар Жизни вечной Своею благодатью.

Братья и сестры, прославляя воплощенного Сына Божия, будем помнить, что каждый из нас призван к тому, чтобы стать сыном Божиим, как и говорит апостол Павел: «Все вы сыны Божии по вере во Христа Иисуса». Но Великая тайна заключается и в том, почему и Богу нужно было именно воплотиться и вочеловечиться, почему иначе как в теле человека спасение было невозможно. Мы часто представляем себе Бога неким чудотворцем, который может сделать все Сам, независимо ни от кого и ни от чего. Но это великое заблуждение, дорогие братья и сестры. Бог произвола не творит. Бог сотворил человека для того, чтобы Он мог иметь непосредственное Свое селение в этом мире. И поэтому-то только человек и мог стать тем, кто спасает. Вот Бог и спасает нас в Человеке и через Человека Иисуса Христа, ибо в Самом Христе «обитает вся полнота Божества телесно». И не было другого пути, ибо невозможно нам с вами иначе приобщиться ко Христу и через Христа — к Богу, кроме как через Его человечество в своей полноте, неслитно и нераздельно соединенное с полнотой Его Божества.

Будем же, братья и сестры, благодарить Господа за Боговоплощение, за силу Божию, совершающуюся и в немощи. Будем благодарить Бога за то откровение благодати и Царства Небесного, которое воссияло сегодня столь блистательным образом.

Аминь.

7 января Слово на утрене после Евангелия (Мф. 1, 18–25)

Дорогие братья и сестры! Только что прочитанный отрывок из Евангелия посвящен Рождеству Иисуса Христа. В нем говорится о том, что Мать Его Мария была обручена с Иосифом. Закон строго запрещал до полного брака иметь общение с мужем, но оказалось, что Она имеет во чреве от Духа Святого. И это стало откровением для Иосифа. Ангел Господень явился ему и сказал об этом: «Не бойся принять Марию, жену твою, ибо родившееся в Ней есть от Духа Святого; родит же Сына, и наречешь Ему имя Иисус, ибо Он спасет людей Своих от грехов их». Имя Иисус переводится как «Бог спасает», поэтому и сказано, что Его имя будет таковым.

Девство и непорочность Марии было засвидетельствовано Самим Святым Духом через ангела. Но это не было, как мы часто понимаем, просто объективированным фактом, это было действительно откровением, откровением Духа о целомудрии и непорочности Матери Иисуса. И мы с вами воспринимаем рассказ о Рождестве именно духом, потому что не знаем и даже не интересуемся тем, как это могло быть физически, или физиологически. Есть тайна Духа в Рождестве нашего Господа, и именно она раскрывается верующему сердцу, именно она принимается нашим сердцем тогда, когда мы приобщаемся к этому духу чистоты и целомудрия, который приятен Богу.

Здесь в одном отрывке сразу названы два имени Господа: имя Иисус, спасительное имя, и имя Еммануил, которое означает «с нами Бог», которое тоже открывает нам тайну Рождества Христова, потому что во Христе Бог сходит к людям Своим для того, чтобы спасти их через единение с Ним.

Итак, Мария, как и Иосиф, оказались послушны Богу. Не своему плотскому разуму, который мог бы протестовать против этого откровения, а Богу. Это для нас с вами тоже великий пример. Бог открывает часто значительно больше, чем мы можем помыслить, Бог дает нам несоизмеримо больше. И дай Бог нам иметь такое сердце, чтобы вмещать тайну Божию, чтобы верить Богу до конца даже тогда, когда наш житейский опыт противоречит откровению. Если

бы не поверила Дева Мария ангелу и если бы не поверил Иосиф откровению, могла бы случиться беда, и не исполнился бы план Божьего спасения.

Господь совершает спасение и через нас. В каждом из нас рождается Христос, и нам тоже нужно знать те тайны Божии, которые способствуют Боговоплощению, которые способствуют Рождеству Иисуса Христа. Нам с вами нужно познать Христа, познать путь Его как путь Божьего спасения.

Аминь.

Слово на Литургии после чтения Апостола (Гал. 4,4-7)

Дорогие братья и сестры! В небольшом отрывке из Послания к галатам апостола Павла сказано очень много. Вы знаете, что для апостола Павла вообще характерна такая концентрированность выражений. Каждая фраза, каждое слово в них связаны так, что имеют столь многогранный смысл, что нам необходимо снова и снова возвращаться к тексту, если мы хотим проникнуть вглубь сказанного.

Сейчас мы слышали всего несколько строк, но каких строк, братья и сестры! Апостол пишет: «Когда пришла полнота времени, Бог послал Сына Своего Единородного». Действительно, эти времена и сроки Господь положил в нашей истории Сам, так что никто, кроме Отца, не мог их знать. Никто! Что и открыл нам Господь наш Иисус Христос.

Итак, «пришла эта полнота времен», когда все человечество, с одной стороны, изнемогало от умножившегося греха, а с другой стороны, оно было уже готово к принятию дара Воплощенного Божьего Слова как Божьего Сына. Это проявилось, как вы помните, во многих ветхозаветных пророчествах, это ожидание умножалось, укреплялось, и не только в богоизбранном народе, не только среди пророков Ветхого завета, но и среди поэтов, пророков, духовных деятелей, учителей всего мира.

Именно тогда, когда все человечество, казалось бы, уже было подготовлено настолько, насколько оно могло вместить вообще Божью тайну, Бог и посылает для спасения всех Своего Единородного, единственного возлюбленного Сына. Сына, Который «родился от жены», от женщины, и стал человеком таким же, как и мы, «подчинился закону», войдя в самую ткань правды Божьей, которая должна была регулировать все отношения между людьми здесь, на земле. Более того, это тот закон, на котором весь мир стоит.

Сын Божий «подчинился закону»! Для чего, братья и сестры? «Чтобы искупить подзаконных», дабы заслужить нам усыновление, чтобы как бы взять в Свои руки всех подзаконных, тех, кто изнемогал, тех, кто, с одной стороны, шел к Господу, но с другой, не мог добиться своей цели. Для этого Сын Божий Сам становится подзаконным, одним из них, одним из таких же людей, которые были вокруг Него, таким же совершенно, кроме греха.

Сын Божий, родившийся от жены, подчиняется закону и выкупает, искупает у власти закона и беззакония всех подзаконных, «чтобы нам получить усыновление» по причастности Ему — Сыну Божьему Единородному. Как Он приобщился нам, так и мы теперь имеем доступ к Отцу через приобщение Сыну.

Мы имеем обетование о том, что каждый из нас — «уже не раб, но сын, а если сын, то и наследник Божий через Иисуса Христа». Вы теперь все, так же как и вся Церковь Божия, все жившие, живущие и все, кому еще суждено Богом жить, — сыны Божии. «А коли вы сыны, то Бог послал в сердца ваши» Своего Святого Духа, «Духа Сына Своего, вопиющего: Авва, Отче!»

Если мы приобщены ко Христу, если в Нем мы сыны, то тогда и Дух Сына Божьего живет в нас, и он вопиет, вопиет к Отцу подобно тому, как всякий сын вопиет к отцу: «авва!», что значит «отец, отче!» Мы теперь имеем особое дерзновение так обращаться к Богу. Раньше любили, знали Бога как Отца, но совсем иначе, не так, как это открыл нам Сын Единородный. И воистину «ты уже не раб, но сын, а если сын, то и наследник Божий через Иисуса Христа».

Вот сколько дано в нескольких строчках, вот как писал апостол Павел! Можно взять эти строки и из них выстроить целиком Символ веры. Все, что нам за две тысячи лет удалось раскрыть в опыте, здесь содержится вот в таком концентрированном выражении, вот в такой сгустке. И мы знаем, что вера наша не поврежденная, потому что мы верим так, как здесь сказано. А вера наша жива постольку, поскольку мы приобщены к этому Духу, Духу Сына Божьего, приобщены Самому Сыну Божьему и вопием к Отцу как дети Его.

Братья и сестры! Да не потеряет никто из нас этого дерзновения, этого приобщения ко Христу, родившемуся от жены, Ему же и слава во веки веков!

Аминь.

Слово на Литургии после Евангелия (Мф. 2,1-12)

Братья и сестры, христиане! Я только что вам уже говорил о том, что все человечество было подготовлено в свою меру к принятию воплощенного Сына Божия. Подтверждением этому является рассказ о волхвах, пришедших поклониться родившемуся Христу и принесших дары, те дары, которые они только и могли дать Царю — Христу.

Все вы, наверное, помните, что слово «волхвы» по-гречески звучит как «маги». Это были еще язычники, но язычники, которые искали мудрости, которые искали не просто мудрости века сего, искали не житейской мудрости — для обогащения и для внешнего устройства в этом мире, но которые пытались найти волю Божию, исходя из того, что им было открыто.

А открыто им было небо, дорогие братья и сестры! Пусть еще не то Небо, на котором пребывает Христос, но небо, которое тоже имеет свои знамения и говорит нам о временах. Сказало оно им и об исполнении времен Божиих для пришествия Спасителя на землю. Они не знали, Кто такой Машиах (Мессия), Кто такой Христос, но они пришли поклониться Ему. Не зная имени Его, они знали только, что Он спасет людей, и это спасение — высшее.

Волхвы обманули царя, царя жестокого, кровавого, хищного, ненавидимого народом царя, властного и имевшего огромную силу. Они были в его пределах, в его владениях, но тем не менее не послушались «великого» Ирода. Ведь по-человечески он вошел в историю именно как Ирод Великий. А Христос как «Великий» в историю человеческую не вошел, дорогие братья и сестры. И вот, эти волхвы оказались оправданы пред Богом тем, что они обманули «великого» и избрали малого, Того, Кто вмещался в простых яслях в самой простой нищенской обстановке.

Волхвы принесли дары. Они ничего не пожалели ради Того, Которого нашли. Хотя не сразу, может быть, они просветились пред Христом непосредственным откровением от Бога. Да, сперва были еще посредники между ними. Но потом Христос стал «Единым Посредником между Богом и людьми». И поэтому мы прославляем волхвов как святых.

Принесли они Царю Христу золото, ладан и смирну. Символическое толкование, которое здесь обычно применяется, довольно удачно говорит о Том, Кого они прославили. Они прославили золотом Христа. Ведь золото может быть не только знаком земного богатства, тем презренным металлом, за который гибнут люди до сих пор, это же золото может быть символом Божьего

Света, Нетварного Божественного Света, излианного на нас благодатью Христовой. Еще они принесли ладан, тот ладан, который употребляется в богослужении, тот ладан, который является благоуханным. Мы с вами часто говорим в молитве: «Прими молитву нашу как дух благоухания, т. е. как дым кадильный пред Тобою». Еще они принесли Христу родившемуся смирну. Это также драгоценное вещество, которое употреблялось, как правило, при погребении. Оно было драгоценно, поэтому вполне возможно было принести его Новорожденному. Это был царский дар. Но, видите, вольно или невольно, и здесь приоткрывается будущая судьба Младенца в яслях.

В конце отрывка, который мы сейчас слышали, сказано, что волхвы получили откровение не возвращаться к Ироду и иным путем отошли в страну свою. То, что они тем самым обманули царя, я вам уже сказал. Однако здесь есть и другое: они — язычники, маги, звездочеты — получили откровение от Бога. Наверное, для нас это может прозвучать странно, хотя мы можем и легко оправдать это — мол, Бог может сделать все что угодно. Но братья и сестры, мы знаем, что Бог не творит произвола, и если Он избрал даже этих языческих магов, значит, они могли не только получать откровения, но и воспринимать их.

Братья и сестры, пусть это будет для нас островком новой надежды, ибо все мы, даже попав не в лучшую ситуацию, даже если кто-то вокруг нас совсем не знает Бога, оказывается, можем, если будем искать высшей мудрости, также получить истинное откровение, познать его и исполнить, тем самым оправдавшись перед Христом. Если же перед Христом и Духом Его — то и перед Отцом нашим Небесным. А оправдание пред Ним есть спасение!

Надежда не постыжает, братья и сестры, и сегодняшний праздник — день надежды и веры.

Аминь.

Слово после Литургии

Поздравляю всех вас, дорогие братья и сестры, с причастием и еще с двумя вещами. Во-первых, вспомните, что ровно год назад мы с вами начали богослужения в этом храме, под Рождество, и начали с крещения, так же как и вчера. И еще вы видите, что новокрещенные сегодня тоже здесь причащались с нами. Это второе и главное, с чем я хотел бы всех поздравить. Много здесь и тех, кто в первый раз в жизни причащался сегодня. Я надеюсь, что это будет для вас всегда силой, ибо Таинство имеет всегда большую благодатную силу. Господь венчает круг, заканчивает, завершает тот круг, который вчера мы с вами начали под пение «Елицы во Христа креститесь, во Христа облекостесь». И действительно, этот круг завершается причастием. Правда, это особое завершение, потому что причастие на самом деле никогда не завершается. Если бы мы с вами имели возможность ежедневно причащаться, как это было в первые дни бытия Церкви Христовой, то интенсивность нашей жизни, нашей духовной жизни, наверное, возросла бы. Для этого нужно иметь великое обетование и великую уверенность в том, что обетование исполняется. Исполняется уже в нашей жизни. «Не прейдет род сей, как все это будет», — говорит Господь. Все, что сказано Господом, — все будет. Небо и земля прейдут, а Слово Божие не прейдет. Поэтому сегодня я особым образом всех вас поздравляю. Сегодня у нас было не счесть причастников, никто не смог даже приблизительно сосчитать их, и поэтому, я думаю, исполнение Церкви Христовой заключается как раз в том, что мы все не просто стремимся на праздник, но действительно стремимся к этой причастности Богу во Христе в Духе Святом. Мы не чужие Богу, и значит, мы не чужие друг другу. Мы действительно братья и сестры, мы действительно родные и близкие. Хотя родным и близким не всегда близко и легко живется. Я сейчас не говорю о том, что как за пределами каждого дома, так и внутри каждого дома всегда есть проблемы, вы это хорошо знаете. И внутри дома духовного, в Церкви святой — святой, потому что в этом доме обитает Бог и Глава этой семьи,

Сам Господь — тоже есть проблемы, и Господу надо с нами, видимо, еще долго, долго возиться. А если не долго, то это немного страшно.

Братья и сестры. Господь дал нам великую благодать вчера, сегодня и во все эти дни. И надеюсь, так будет и в ближайшую седмицу, когда ежедневно наши новоцерковленные, и в том числе новокрещенные, будут причащаться. Мы до 14 января включительно будем ежедневно с 9 утра совершать Евхаристию, литургию, а в половине девятого — проскомидию. Новокрещеным в эти дни, надеюсь, не нужна будет исповедь, коли они будут каждый день причащаться. Но если кто-то из старых прихожан захочет причащаться, то вы уж смотрите сами: или не грешите, или исповедуйтесь. И я надеюсь, что вы не будете грешить, потому что сила Божия дается не для того, чтобы мы ее расточали. Мы можем расточать только одно — раздавать добровольно любовь, благодать, которая через нас должна действовать. Вот этот дар надо расточать всем и вся. Не случайно апостол говорит: «Не оставайтесь должными никому ничем, кроме взаимной любви». А вот того расточительства, при котором просто на мелкую монету разменивается великий дар, дар этой драгоценной жемчужины Небесного Царства, не должно быть. Евангелие нас призывает, наоборот, все мелкое оставить ради этой великой жемчужины. Если мы что-то мелкое оставляем, мы знаем, Господь нас не постыдит.

Еще раз всех вас поздравляю. Сегодня вечером в 6 часов будет великая вечерня, так как завтра — Собор Пресвятой Богородицы. Хочу вам напомнить, что это самый главный богородичный праздник в году — на второй день Рождества. И поэтому я очень надеюсь, что тот, кто из вас будет иметь такую возможность, сегодня вечером и завтра утром также будет в храме. Мы действительно почитаем Божью Матерь, действительно почитаем Ее, потому что знаем, что Ее прославлением прославляется Ее Сын, а прославляя Сына, мы с вами прославляем Бога Отца.

Аминь.

Слово на вечерне

Братья и сестры, христиане! Сейчас мы с вами отмечаем праздник — Собор Пресвятой Богородицы. Три паримии, которые только что были прочитаны в храме, посвящены Божьей Матери. Эти паримии, т. е. отрывки из Ветхого Завета, как бы прообразуют служение Божьей Матери, прообразуют само существо этого служения. Ведь когда мы говорим «Божья Матерь», когда мы говорим «присно Дева (т. е. всегда Дева) Мария», когда мы говорим «Божия Матерь», мы имеем в виду вещи таинственные, которые открываются в тайне сердца так же, как открываются в тайниках сердца для нас сила и Дух Христовы, сила воплощения Сына Божьего.

Наш храм — богородичный храм. Поэтому этот праздник — наш храмовый праздник, по преимуществу. Не случайно по уставу для богородичных храмов в этот день делаются исключения, и, в частности, положено служить великую вечерню, что вы сейчас и видите, потому что было чтение Священного писания. Если бы вы пришли в любой другой храм, кроме богородичных, вы бы не видели этого, не слышали бы этих чтений, потому что в них совершалась бы простая вседневная вечерня.

И вот, братья и сестры, для нас с вами большая радость в том, что праздник Рождества Христова тесно оказывается связан со служением Божьей Матери. Я уже сказал, что Ее служение — тайна, и она открывается верующему сердцу, приобщенному благодати Христовой. Если бы наше сердце не было приобщено к этой благодати, то все те слова, все те имена, которые мы прилагаем к Деве Марии, могли бы ввести человека в соблазн. Часто так и бывает. Вспомните, что в начале века Матерь Мира любили изображать совершенно по-язычески, но наделяли ее атрибутами Божьей Матери, потому что Ее служение понято было неверно — как будто у Бога Отца есть мать, как будто есть некое высшее существо, которое стоит выше даже

Бога. Некоторые и сейчас пытаются в Богородице увидеть нечто, сочетающее Ее образ с ипостасью Святого Духа, смешивая эти ипостаси, что также совершенно неверно.

Мы с вами знаем, что тайна Божьей Матери открывается постольку, поскольку нам открывается тайна Боговоплощения, а эта тайна открывается людям не сразу. Не сразу она открывается и верующим сердцам. Если мы приняли истину Боговоплощения, предчувствуя эту истину, если мы приняли тайну чистого бессеменного зачатия, то мы с вами еще не все постигли, потому что открыть свое сердце еще не значит наполнить его Истиной. Нам нужно еще много потрудиться, духовно послужить Богу. Нам нужно еще пройти путь Богопознания и познания Господа нашего Иисуса Христа, чтобы раскрылось во всей благоуханной красоте и чистоте то, что содержится в Церкви как истина, касающаяся Божьей Матери, Девы Марии.

Если же иногда и соединяют Образ Божьей Матери с образом Церкви, то это тоже может происходить на большой глубине нашего христианского опыта. Действительно, лишь постольку мы можем ощутить Церковь как Тело Христова живое, вечно живое, постольку мы можем отнестись с должным почтением и к Божией Матери, давшей человеческое тело, плоть Христу, Сыну Божьему и Своему.

Есть множество духовных таин, и их восприятие, и их исповедание зависит от того, насколько наши сердца отданы Богу, насколько они очищены, насколько они просвещены, просветлены благодатью Божией. Пусть же они у нас будут такими же белоснежными, как одежды новокрещеных, и пусть никогда эти одежды нашего сердца не удаляются от нас. И да будет помощь Божия со всеми вами!

И еще я хотел бы вам сказать несколько слов о празднике Собора Пресвятой Богородицы. Что значит это выражение — «Собор Пресвятой Богородицы»? Это означает собрание в Ее честь. Мы сегодня собрались здесь как бы на собор в честь Пресвятой Богородицы, чтобы прославить Ее, участвующую в первую очередь в тайне Боговоплощения. Она — тот свет, который принесло человечество к подножию престола Всевышнего.

Итак, дорогие братья и сестры, хочется всем пожелать, чтобы и наша жизнь благоухала той чистотой, той преданностью, той жертвенностью, смирением, духовностью, которые мы знаем и видим в Божьей Матери.

Храни вас всех Господь!

8 января Слово на Литургии после чтения Апостола (Евр. 2,11-18)

Братья и сестры, христиане! Сейчас мы слышали отрывок из Послания к евреям. Отрывок довольно сложный, связанный с праздником Рождества Христова. Вчера мы уже говорили после апостольского чтения о том, что Христос воплощается и вочеловечивается для того, чтобы, приобщившись к находящимся под законом, искупить их от закона, из проклятия закона. Ибо хотя в законе всегда есть правда, но в законе всегда для всякого человека есть и проклятие, постольку нет ни одного человека на земле, который мог бы сказать, что он исполнил весь закон. И не только нет, братья и сестры, на земле ни одного такого человека, но никогда и не было. Мы делаем исключение только для Христа и говорим, что только Он всецело и действительно не был причастен ко греху.

И вот, братья и сестры, сейчас мы слышали отрывок, который как бы углубляет эту тему, продолжает ее. Почему Богу нужно было воплотиться и вочеловечиться, и что это могло дать людям, всему человечеству и каждому из нас? В этом апостольском Послании сказано: «И Освящающий и освящаемые, все — от Единого (т. е. и Спаситель, и спасаемые — все от одного

Отца Бога); поэтому Он (Освящающий) не стыдится называть их братьями, говоря: возведу имя Твое (Божье) братьям Моим, среди церкви воспою Тебя. И еще: Я буду уповать на Него. И еще: вот Я и дети, которых дал Мне Бог».

Именно воплощение Слова Божьего дает возможность «лишить силы имеющего державу смерти, т.е. диавола». Это означает, что если приобщенный к плоти и крови Господь может Сам умереть, то Он может этим же образом и подорвать силу имеющего власть над смертью, «имеющего державу смерти», диавола, чтобы «избавить тех, которые от страха смерти через всю жизнь были подвержены рабству», рабству греху и смерти. И вот потому-то Он, Господь, воспринял не ангелов, но семя Авраамово, чтобы пред Богом быть как бы священником, приносящим в жертву Самого Себя, — «милостивым и верным первосвященником (архиереем) пред Богом для умилоствления за грехи народа». Он прошел здесь, на земле, Свой подвиг, Он был искушен смертью, и, сохранив при этом Жизнь, Он может искушаемым ею помочь тем, что выкупает их от смерти и значит — от последствий греха.

Вот, братья и сестры, действительно, приобщенность Бога к людям — личная, вплоть до воплощения, до вочеловечения Слова Божьего во Христе. И это открывает для нас возможность спасения. Если Бог приобщился к нам, то мы, приобщившись к Нему, что становится возможным через нашу единую со Христом человеческую природу (жизнь), имеем путь, открытый ко спасению.

Истина Божественного воплощения столь глубока и в то же время столь прозрачна, столь ясна, что когда она входит в наши сердца, достигает сердца нашего, то становится даже удивительно, как же люди не воспринимают этого! И для нас становится очевидным, что другого пути спасения и вообще быть не могло. Нет иного пути спасения, кроме того, который открыт нам во Христе! Это великое основание нашей веры. Все другие пути спасения уже испытаны человечеством — и они не привели к цели. Они могли и могут облегчать внешнюю жизнь, они могут в какой-то степени психологически компенсировать человека, они могут гармонизовать его тело, его плоть с вибрациями космоса, к тому же, к сожалению, обычно еще и без познания того, каковы эти вибрации, каковы эти силы и энергии — от Бога ли они. Но более этого людям за всю их историю сделать не удавалось. Можно еще пытаться исполнять закон, особенно если знаешь, что он от Бога. Но повторяю, и здесь нельзя пройти этот путь до конца, значит, нельзя им и оправдаться. Ибо исполнять-то закон можно, но исполнить его, как мы только что говорили, нельзя. Об этом свидетельствует нам совесть наша, совесть каждого из нас, которая в принципе ничем не отличается от совести всех других людей на земле, если только она способна вообще о чем-то говорить, если только человек способен иметь совестливое дерзновение.

Поэтому-то истина воплощения Бога Слова и истина спасения через это воплощение является универсальной, вселенской. Нет ни одного человека в мире, будем это помнить всегда, всю жизнь, который не нуждался бы в Спасителе, который не нуждался бы во Христе. Все люди нуждаются во Христе. Все и всегда! Хотя иногда они бывают обращены к Богу сердцем и как бы лицом своим, а иногда, увы, обращаются к Нему спиной. Иногда они готовы, даже не зная имени Божьего, обратиться к истинному Богу, а иногда они к этому не готовы. Но тем не менее Бог всегда рядом, Бог всегда близко, и в большой степени зависит от нас, смогут ли люди найти Его, найти спасение в Нем. И мы должны помогать им познать Его святое имя, призвав которое, можно обрести спасение, призвав которое, можно обрести полноту жизни, можно преодолеть хаос разрушения и смерти, можно обрести Жизнь вечную.

Братья и сестры, сейчас здесь собрались только верные, только те, кто принял Христа. Но всегда будем помнить о тех, кто Его еще не знает. Будем помнить и о том, что нам надлежит быть достойными Божьего Дара во Христе. Аминь.

Слово после Евангелия (Мф. 2,13-23)

Братья и сестры, христиане! Для нас бегство в Египет святого семейства — это довольно трудное место в Евангелии, довольно неясное. И мы знаем только одно, что Египет всегда, на протяжении всей Священной истории был действительно мраком, несмотря на то, что, как вы знаете, с точки зрения человеческой оценки цивилизаций, человеческой мистики, культа, наук, Египет — просвещеннейшая культурная страна, одна из самых мощных цивилизаций, которая до сих пор продолжает оказывать влияние, пусть уже и косвенное, на всю мировую цивилизацию. Но пред лицом Божиим, пред лицом Божьего народа и пред лицом Сына Божьего это была страна мрака, страна идолопоклонства, страна, которая Бога не знала. И чем больше было ее влияние на весь мир, тем, может быть, не было лучше, потому что влияние это не позволяло открыться пути Божьему людям, оно как бы преграждало это откровение. Тем более, что люди с удовольствием принимали это влияние Египта, поскольку, как я сказал, египетская культура и египетская цивилизация была очень древней, может быть, самой древней, или одной из самых древних, и очень мощной.

Господь исходит из Египта, как бы из страны мрака, для того, чтобы явиться Светом миру. Мы знаем, что эта символика тоже очень древняя. Когда мы в связи с Рождеством Христа вспоминаем ясли и пещеру, то мы тоже, как и на праздничной иконе перед вами, видим в центре символ мрака. На иконе черный цвет — всегда символ мрака. И на фоне мрака этой пещеры лежит Младенец, Который открыл Свет, Который есть Солнце правды, Которому мы и поклоняемся. В этой мрачной пещере скрывалась драгоценнейшая Жемчужина, и она должна была открыться миру и засиять в нем.

Господу в этом откровении служили люди, и прежде всего Его Матерь. Поэтому сегодня мы с вами прославляем именно Ее. Сегодня, как вы знаете, праздник Собора Пресвятой Богородицы. И этот отрывок, который сейчас мы слышали из Евангелия от Матфея, не однажды повторяет выражение «Младенец и Матерь Его». Ангел говорит Иосифу: «Встань, возьми Младенца и Матерь Его и беги в Египет». Он встал, взял Младенца и Матерь Его и ночью пошел в Египет. И далее мы с вами слышали, что когда умер Ирод, снова встал Иосиф, взял Младенца и Матерь Его и пошел из Египта в землю Израилеву и поселился в этой земле.

Мы с вами привыкли к тому, что нас часто окружают богородичные иконы. Мы говорим: «Вот Богоматерь с Младенцем». И действительно, не могло не родиться это изображение в церкви, поскольку есть текст Священного писания, который так тесно, так неразрывно связывает «Младенца и Матерь Его». Единственное, что, может быть, здесь нам надо все же было бы учесть, — наряду с тем, как мы говорим о «Богоматери с Младенцем», надо бы иногда все-таки говорить по Писанию и о «Младенце и Богоматери», о «Младенце и Матери Его». Для нас даже такая, кажется, простая перестановка может иметь некоторый смысл, потому что переставляются вместе с тем и тонкие акценты.

Нам всегда надо помнить, что если мы прославляем Божью Матерь, то мы прославляем Ее Сына, так же как если мы прославляем Сына, то прославляем Отца нашего Небесного. Пусть эта связь, эта цепочка никогда не прервется в нашей жизни. Пусть Отец прославляется через Сына, как Сын прославляется в Его собственном Теле, т. е. через Его Церковь и через образ Его Матери.

Для нас Покров Божьей силы часто ассоциируется именно с Божьей Матерью и Церковью. Будем же церковно чествовать и прославлять Богоматерь, особенно в дни празднования Рождества Христова, во славу Божию.

Аминь.

Слово после Литургии

Дорогие братья и сестры! Сегодня с нами служили новопросвещенные, новокрещенные, учились служить, как цари и священники, Богу Живому на этой трапезе Господней, которая объединяет верных в одном духе.

А сейчас я хотел бы еще прочитать вам Рождественское послание Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. (Зачитывается текст послания.)

Братья и сестры! Я думаю, нам с вами действительно нужно прислушаться к словам Патриарха, потому что его призыв участвовать во всей деятельности Церкви, во всей многогранной, многосторонней деятельности Церкви является призывом из глубины сердца. Раньше, на протяжении многих десятилетий, вы бы этого услышать не могли, потому что мирян ни к какой церковной деятельности никто никогда не призывал. Поэтому у некоторых сложился предрассудок, что мирянам и делать-то здесь нечего, они должны слушать и воспринимать только то, что говорит им священноначалие, и больше ничего. Но вы-то хорошо знаете, что ответственность за конечное «аминь» на всякое важное дело в Церкви лежит на всех и что в этом — основа нашей соборности и, таким образом, вселенскости, кафоличности Церкви.

А сейчас от вещей возвышенных и прекрасных хочу перейти к некоторым более практически вещам, для вас необходимым, потому что вам нужно некоторые вещи уже просто знать.

Начнем с того, как вы входите в храм. Когда вы это делаете, всегда надо сначала помолиться у входа, перекреститься, что можно сделать трижды, и тихо, смиренно войти, но не влетать пулей — у нас есть некоторые такие люди. Дальше, если вы видите что-то такое не совсем должное, особенно в притворе (мне отсюда плохо видно, но, впрочем, слышно), то все-таки надо как-то участвовать в этом. Дети ли разбаловались, родители ли расшумелись — вы все это как-то ставьте на место, но не так, конечно, чтобы новый шум накладывался на уже бывший. Это первое.

Если вы приходите на литургию, на Евхаристию, то желательно дома заранее написать записочку о здравии или за упокой кого-то из своих близких — верующих, крещеных. Вы, конечно, не обязаны это делать, но это было бы нормально, это было бы хорошо. А если вам хочется написать записочку и помолиться о здравии или за упокой некрещеных либо крещеных, но неверующих, то пишите ее мне отдельно. О здравии и за упокой крещеных и неверующих вы подаете записочки на проскомидию, потом берете свечку, потом заказываете соответственно одну или две просфорочки на каждую записочку. Из просфор в алтаре вынимаются частицы за ваших близких, за которых вы молитесь и мы молимся. Частицы потом опускаются в чашу с освященными Святыми Дарами с молитвой «Отмой, Господи, грехи всех поминавшихся здесь Кровью Твоей честною, по молитвам святых Твоих». Это поминовение особенное, оно как бы символизирует причастие тех, кого мы поминаем. И наверное, не только внешне символизирует это.

Итак, когда вы приходите в храм, старайтесь сосредоточенно, молитвенно проводить здесь время. Лучше прийти до начала службы, хотя бы на 5–10 минут раньше. Лучше не уходить до отпуста, т. е. до конца богослужения. Конечно, иногда бывают исключения. Но лучше прийти с опозданием, чем не прийти вовсе, как вы понимаете, лучше уйти раньше, чем не быть в храме вовсе, это ясно. Но если есть возможность, то лучше все-таки помнить, что в храме сохранение внутренней целостности богослужения для всех нас очень важно.

Далее. Хотя в нашем храме мы строго не требуем, чтобы женщины обязательно были в платочках и чтобы они не были в брюках и т. д., но все-таки, наверное, лучше, когда делается

именно так. Повторяю, это у нас не жесткое требование, никто никого по голове за его нарушение бить не будет, но тем не менее как-то постарайтесь, идя в храм, одеваться красивее. На литургии — в светлые одежды, не в черные, не в темные. На литургии положено быть в светлых одеждах, а когда-то всем положено было быть на литургии вообще в белых одеждах.

Женщинам перед причастием не надо красить губы. А у нас сегодня из новоцерковленных подходила каждая вторая женщина с накрашенными губами. Вы это уже все, надеюсь, почувствовали, что губная помада остается и на плате, и на лжице, и на чаше, если вы целуете край ее. У нас, правда, это целование не обязательно, потому что всегда очень много причащающихся и можно случайно или толкнуть чашу, или даже выбить ее из рук. Да и время идет. Это не такой важный обряд, чтобы его нужно было во что бы то ни стало сохранять. Но все-таки, как вы понимаете, если кто-то причастится, а потом вдруг останутся разводы на лжице, то это будет, наверное, не очень симпатично. А вообще-то надо сказать, что когда Господь украшает благодатью человека, то никакие другие украшения — ни золото, ни плетение волос, ни помада, ни что-либо подобное — не имеют никакого значения. Даже наоборот, они становятся в храме просто аляповатыми. Может быть, где-то в другой обстановке это и не так, я не знаю, не мне судить, но в храме это как-то выделяется, как что-то искусственное.

Когда вы покидаете церковное собрание, делайте это с молитвой и благоговением. Если, допустим, у вас радостное, прекрасное настроение, что очень хорошо, то вы можете поговорить с кем-то, но все-таки желательно беседовать или в притворе, или вне храма, чтобы не мешать тем, кому, наоборот, хочется сосредоточенно и в молчании провести хотя бы первое время после причастия. Не забывайте, что если у нас иногда от избытка сердца говорят уста, если нам хочется со всеми расцеловаться и говорить, говорить без умолку, то у другого может быть совсем противоположное настроение. По-разному бывает, помните об этом.

Далее. Сейчас я обращаюсь к тем, кто особо проходит свою светлую седмицу, свои святые дни, может быть, первый раз в жизни. Для вас на этой седмице подготовкой к причастию являются ваши встречи с таинствоводственными беседами, и то, что вы ежедневно бываете в храме, и то, что вы ежедневно читаете Евангелие. Читайте сейчас Евангелие от Иоанна и другие книги Писания. У вас есть все номера журнала «Православная община», где написано, что нужно читать на «светлой седмице». Особенно желательно за это время прочитать Евангелие от Иоанна и те книги Священного писания, которые там обозначены. Это самое важное. Вам также желательно учить наизусть некоторые молитвы, допустим, те, которые употребляются во время богослужения. Вот, например, на возгласе: «Молимся всей церковью» следует молитва перед святым причащением, а вся церковь с трудом молится, потому что не знает слов. Потом остальные тоже выучите, но это первоочередная наша потребность.

Старайтесь не переутомляться и не развлекаться на этой неделе, чтобы причащаться вам действительно достойно всю эту седмицу. Храните себя. Не забывайте про правило, что люди, живущие в браке, не имеют супружеских отношений накануне причастия. Это древнее и важное правило. Ничто не должно мешать сосредоточиться на молитве и на аскетической подготовке к причастию Тела и Крови Господних.

Сейчас, на этой неделе, отдельная исповедь с разрешительной молитвой вам не нужна, но если кому-то она действительно нужна, то подойдите и скажите об этом. Не приведи Господи, чтобы кому-то нужна была такая исповедь. Не говорю, что исповедь — грех, но я хочу сказать: не грешите, и особенно — на этой седмице.

Не забывайте, что, когда кончится ваша «светлая седмица», вам нужно будет приходить на исповедь каждый раз, даже если вы будете причащаться еженедельно. Не только сама

исповедь и не только молитва перед ней, но и в конце нее разрешительная молитва обязательна, когда накладывается епитрахиль с особой молитвой, когда священник просит Бога об отпущении грехов и сам прощает вас (а вы — его, надеюсь).

Все это очень важно. Без этого, повторяю, вам нельзя будет обойтись, хотя бы вы и причащались каждую неделю, потому что есть некоторое взаимовлияние всех членов церкви. Мы с вами еще не на том духовном и нравственном уровне, чтобы можно было бы так поддерживать друг друга, чтобы люди не грешили, и при нормальном, регулярном, еженедельном причастии могли сохранять необходимое духовное и молитвенное состояние. К исповеди, к причастию всегда готовьтесь. Это может быть краткая подготовка, но подготовка нужна каждый раз, как и ко всякому таинству. А как готовиться — вы уже знаете. Так помните об этом.

Храни вас всех Господь!

9 января Слово на Литургии после чтения Апостола (Деян. 6,8-15; 7,1-5,47-60)

Во имя Отца и Сына и Святого Духа! Братья и сестры, христиане!

Праздник Рождества Христова совершается не один день, праздник Рождества длится до понедельника. Отдание будет в понедельник. И фактически каждый день после этого праздника есть некое воспоминание, так или иначе связанное с ним. Вчера мы праздновали Собор Божьей Матери, Собор Пресвятой Богородицы, потому что Она более всего послужила Боговоплощению, более всех людей. Сегодня — третий день праздника, и в этот день всегда празднуется память первомученика архидиакона Стефана, о котором вы сейчас слышали. Он исповедовал свою веру во Христа, воплощенного и стоящего одесную Бога Отца, и за это исповедание был казнен, став первым служителем церкви, исповедником и мучеником веры. Завтра будем вспоминать 20 тысяч мучеников, в Никомидии сожженных, послезавтра, в субботу по Рождестве Христовом, — 14 тысяч младенцев, от Ирода в Вифлееме убиенных, тоже своеобразных мучеников за Христа, поскольку это были невинные младенцы. В воскресенье, в неделю по Рождестве, празднуется память трех сродников Господа по плоти — праведного Иосифа Обручника, Давида царя и Иакова, брата Господня. А в понедельник будет уже отдание праздника, завершение празднования, когда в основном повторяется та же служба, кроме небольших, правда, самых важных и торжественных, моментов.

Братья и сестры, наша вера всегда проверяется нашими делами, нашей жизнью, тем, какие плоды она дает. Мы с вами говорили о плодотворности всех таинств, но христианская жизнь вся плодотворна. И таким плодом была смерть исповедника и первомученика архидиакона Стефана. Он, когда учил людей, очень дерзновенно говорил иудеям о том грехе, который они совершили, об отступлении от Бога, которое они допустили. Иудеи, приняв закон при служении ангелов, не смогли его даже сохранить. И все это нужно было сказать им, несмотря ни на что. Ведь было ясно, что Стефана могли обвинить в чем угодно после таких слов (в наше время сказали бы — «антисемитизм» или еще что-то). Но очень важно было это сказать потому, что если этого не сказать, тогда было бы неясно людям, зачем им принимать Христа. Можно самодовольно жить по-прежнему. И для нас с вами тоже очень важно знать, что если кто-то имел пред Богом некое призвание, некое служение, чем вроде бы хотел или мог гордиться, то все это Бог не вменит ни во что, потому что пока не принят Христос всем сердцем, всей душой, до тех пор ничто не оправдывает человека! Даже закон, который от Бога, который благ и добр, человека не оправдывает просто потому, что его никто из людей, как вы знаете, никогда не исполнил. Более того, закон часто становится прямым прикрытием греха, о чем тоже нужно нам с вами помнить.

Иногда трудно в глаза людям говорить вещи, соответствующие воле Божьей, — боимся человека обидеть, оскорбить. И действительно, надо бояться зря обидеть и оскорбить человека даже в малой степени, надо бояться быть несправедливым. Но там, где возвещается правда Божия, страха быть не должно. Иногда мы, конечно, говорим в более мягких выражениях, иногда то же самое — в более жестких. И обратите внимание, насколько жесткие выражения у Стефана и как говорит апостол Петр в день Пятидесятницы. Вы уже читали Деяния и, наверное, об этом уже прочли. И тем не менее о Стефане сказано, что благодать Божия была на нем. Мы же часто с вами думаем, что если человек говорит жестко, то никакой благодати нет. Вот когда что-то такое сиропобразное, вот тогда — да, вот тогда действительно есть что-то тонкое и возвышенное. Но это наша с вами ограниченность, наши с вами проблемы. Мы слишком большое внимание уделяем этому не тогда, когда сами так говорим, а тогда, когда это проявляется по отношению к нам. Как раз было бы неплохо, если бы мы больше внимания уделяли формам нашей жизни, были бы строже по отношению к себе. Это было бы лучше.

И вот, братья и сестры, когда мы с вами вспоминаем мучеников и исповедников, наверное, нам нужно думать и о себе тоже, а не только об истории, не только о прошлом. Нужно думать и о настоящем. Стефан ведь только-только принял веру, по-нашему многие бы сказали: «А, это все неофитское, ревность не по разуму. Ну зачем было полному благодати Святого Духа человеку, который был служителем (он был дьяконом, служил, помогал бедным, нищим, совершал великое дело в церкви), зачем ему нужно было так обострять отношения, чтобы погибнуть?»

Но исповедание веры, живое исповедание веры — для нас с вами великий пример. Какими нам нужно быть? Способны ли мы с вами, только сейчас приняв веру в полноте ее, на такое живое исповедание перед лицом многочисленных неблагоприятных обстоятельств нашей жизни или мы будем, лавируя, стараться уходить от этих обстоятельств, ставя их во главу? Способны ли мы на такое исполнение Святым Духом? Если же нет, то нам нужно об этом позаботиться. Нам нужно позаботиться о том, чтобы благодать Божия не отходила от нас, чтобы плоды веры рождались сразу, с самого начала нашей христианской жизни. А уж как наш путь будет устроен — это один Бог знает. Мы себе не принадлежим, мы выкуплены Христом самой дорогой ценой — Его Кровью. И коли мы выкуплены — мы не свои.

Вот это нам нужно всегда помнить, чтобы никогда не ставить свои замыслы, свои планы, вообще себя в той или иной степени, с той или иной стороны, выше Божьей воли, Божьей благодати, Самого Бога. К сожалению, такие искушения неизбежны на пути. Действительно неизбежны. Но я хотел бы с самого начала, с первых дней вашей церковной жизни вам сказать: берегитесь этих искушений и узнавайте их, если они появятся. Коли узнаете — не потерпите вреда. Будучи искушенными, станете еще опытнее.

Братья и сестры! Давайте строить нашу жизнь действительно по-Божески и, значит, по-человечески, церковно, отдавая свое сердце Христу, прославляя Его всей жизнью своей.

Аминь.

Слово на Литургии после Евангелия (Мф. 21,33-42)

Братья и сестры, христиане! Притча, которая сейчас была прочитана, всем нам хорошо известна. Она занимает большое, важное место в Евангелии и говорит как раз о том, о чем мы только что начали разговор в связи с рассказом из Деяний святых апостолов об убиении архидиакона Стефана.

Здесь в образной форме повествуется о том, как Господь Бог посылал виноградарям Своих избранных, Своих слуг для того, чтобы они забрали плоды из Божьего виноградника. Ведь Бог

действительно постоянно возвещал Свою волю, постоянно открывал ее, давал дары Духа через пророков, царей и судей Израилевых и через священников. И часто оказывалось, что этих слуг Божиих виноградари не принимали, потому что думали, коли уж они владеют, пользуются этим виноградником, то они его хозяева, и он принадлежит им по праву так же, как и Самому Хозяину, Который вверил им этот виноградник. И это привело к трагедии, потому что они стали совершать великие грехи против Бога, убивая Его служителей. И так продолжалось вплоть до убиения Сына, Которого послал Бог в надежде, что Его постыдятся, что пред лицом Его как раз покаются и начнут отдавать Хозяину виноградника плоды винограда. И вот Господь спрашивает: «Когда придет Хозяин, что Он сделает с этими негодными виноградарями?» И отвечают Господу, что «этих злодеев Он предаст злой смерти, а виноградник отдаст другим, которые будут отдавать Ему плоды в свои времена». И здесь мы с вами, с одной стороны, видим откровение о Сыне, ту сторону Его служения, о которой не всегда думаем или, может быть, не всегда воспринимаем ее вполне, а с другой стороны, мы видим тех, кому Бог отдал Свой виноградник.

Что это за виноградник, который посещает Сам Бог, который принадлежит Самому Богу? Этот виноградник — Церковь. Этот виноградник отдается Богом нам. И дай нам Бог самим не стать теми злодеями. Дай нам Бог отдавать в свое время Хозяину виноградника плоды его. Дай нам Бог не возомнить себя хозяевами в этом винограднике. А в этом винограднике теперь все — и иудеи, и эллины, и обрезанные, и необрезанные, и рабы, и свободные, и мудрые, и немудрые. В этом винограднике сейчас все, кого призвал Господь, кто откликнулся на этот призыв. Господь же призывает, вы знаете, всех людей, как предвозвещал о том еще великий ветхозаветный пророк.

Братья и сестры! Если мы с вами работники виноградника, то нам надо узнавать и слуг Божиих, нам надо узнавать Его служителей, нам надо уметь почитать их не только словом, но и жизнью нашей. Когда мы почитаем святых и мучеников, а вот сегодня — мученика Стефана, то мы почитаем их постольку, поскольку совершаем дело, к которому они призывали нас от имени Божьего.

Вот, братья и сестры, будем же всегда слушая — слышать, смотря — видеть, делая — совершать дело Божие во славу Его, Единородного Сына и Духа Святого.

Аминь.

Слово после Литургии

Дорогие братья и сестры! Я еще хотел бы вам напомнить сегодня о том, что на всех нас лежит забота о полноте Церкви, о том, чтобы никто от Бога не отпал. Мы с вами должны думать не о количествах крещеных. Мы должны думать о том, чтобы каждый человек, не просто как физическая или статистическая единица, а как член единого Тела жил в полноте Духа, чтобы жизнь его исполнялась духом, радостью, весельем, исполнялась постольку, поскольку этот член имеет общение с Главою — Христом и со всеми другими членами Церкви. И это, братья и сестры, наша общая забота.

К сожалению, в истории христианства не однажды бывало, что за какими-то другими свойствами человеческой жизни, человеческой природы, общими для тех или иных людей, забывались личностные духовные черты. Люди говорили: «Вот такой-то народ — христиане, вот такой-то класс — благочестивые». Говорили: «Вот, тысячи и миллионы входят в церковь!» Но когда они входили в церковь, к сожалению, после этого часто забота о них прекращалась, и тогда эти миллионы становились наполовину мертвыми, наполовину номинальными членами Церкви. И начинали жить по плоти, хвалиться плотью, так же как те иудеи, о которых сегодня

читалось Евангелие, в той притче, которая говорит о том, как теперь нам надо жить в Новом Завете, приобщившись к Сыну Божию.

Кто хвалится по плоти и плотью пред лицом Божиим и пред лицом своих братьев и сестер, тот еще вряд ли христианин. Человек может иметь множество достоинств по плоти: он может быть красивым, молодым, умным, он может быть очень душевным, ласковым, он может быть очень образованным, он может занимать хорошее положение, иметь прекрасный вкус, прекрасно одеваться, жить в хороших домах, ездить в дорогих машинах, есть вдоволь хорошую пищу, но если человек начинает этими своими богатствами хвалиться, забывая при этом о Боге или имея Бога лишь как одно из своих сокровищ, то — беда. Тогда снова и снова звучат для таких людей грозные слова Писания. Никто не должен хвалиться по плоти в Церкви, потому что все мы приняты Богом в Церковь по милости Его, по Любви Его. Мы и приобщились, причастились Христу, Телу Его и Крови Его, по милости Его, не по заслугам своим, не по добродетелям плоти.

Будем с вами, братья и сестры, об этом помнить, потому что часто после вхождения в Церковь в отношениях между людьми на первое место начинают ставиться вещи совсем второстепенные, а иногда и не очень достойные. Будем принимать каждого, кого Бог принял. Будем призывать каждого, кого Господь призвал. И пусть будет так до конца нашей земной жизни. Пусть этому научатся от нас люди, наши близкие и наши дальние, наши друзья и недруги. Если Евхаристия, которую мы сегодня совершали, для нас с вами — знак и сила милосердия Божия, то здесь невозможно ничем похвалиться по плоти. Можно лишь похвалиться по духу, прославляя милосердного Бога, «дивного во святых Своих».

Пусть, братья и сестры, сила Божьего Духа никогда не оскудевает в нас. Пусть радость духовного общения никогда не проходит, пусть жажда полноты Церкви, полноты этого общения между всеми членами Церкви никогда не проходит. Пусть печаль при каждом разрыве даже самого малого капилляра в теле церковном тоже никогда не покидает нас.

А таких разрывов на сегодняшний день масса, миллион. А иногда и совсем не капилляров, иногда большие артерии страдают и находятся в состоянии самой слабой связи, готовой полностью порваться. Я говорю не только о разрыве общения между христианскими церквями, я говорю и о том, что происходит внутри церкви, о том, что сейчас мы видим и знаем.

Действительно, мы должны иметь великое дерзновение пред Богом и жить, служа Ему день и ночь, для того чтобы хотя бы немного исправить это положение. Конечно, живоносный Дух, как бы кровь, пульсирующая в этих артериях и этих сосудах, дается Богом. Но от нас зависит, как мы приготовим и расположим эти сосуды, смогут ли они соединиться в общении, в единой системе, не пропуская ничего из данного нам Богом.

Братья и сестры, еще и еще раз хочу вам пожелать — начинайте жить в полноте жизни с самого начала, не откладывайте это ни на один день. Не думайте, что с вас сейчас спрашивается меньше, чем с других. Эта ваша светлая седмица пройдет очень скоро, и спрос с вас будет точно такой же, как со всех остальных членов Церкви, хотя бы в принципе.

Конечно, потом будут различия, но — внутри этого принципа, потому что кому больше из вас будет дано, а дано больше будет тем, кто имеет большую силу, с того и спрос будет больший. Это не обязательно священнослужители, это не обязательно люди, которые на видных местах в церкви. Таковым может быть любой. И дай Бог, чтобы каждый из вас стремился получить венец нетленный, пройдя поприще своей жизни с верой.

Аминь.

Протоиерей Всеволод Шпиллер: Мой путь к Богу и в Церковь

Свидетельства

Мой путь к Богу и в Церковь

Н. П.

В неполные сорок лет я крестилась в Православной церкви. Мысли о Боге, о вере стали приходить примерно двумя годами ранее. А до этого я была достойное дитя своего времени — убежденная атеистка. Ни в школьном, ни в студенческом возрасте, ни даже гораздо позже меня на этот счет не посещали сомнения. Мой аналитический ум трезво мыслил, и было твердое убеждение — взгляды атеиста самые правильные.

Но только еще в ранней юности, когда оказывалась в незнакомом городе или местности, я шла в храм, меня тянуло туда, и в какой-то момент я растворялась в атмосфере храма, теряя чувство времени. Потом, как бы придя в себя, на вопрос «что это?» тут же находила ответ — дань уважения русским традициям. И все. Хотя не совсем. Я никогда не была согласна с тем, что у верующих отобрали церкви и безобразно, даже кощунственно их используют. Еще в 70-е годы, занимаясь на курсах экскурсоводов и изучая историю Москвы, я испытывала возмущение при знакомстве со свидетельствами о том, что власти пошли на поводу у бредовой идеи — решили взорвать храм Христа Спасителя и уничтожить другие культовые постройки.

Уже в зрелом возрасте, примерно пять-шесть лет тому назад, когда стало более доступно библейское слово, у меня появился интерес к духовной литературе. Мои друзья, видя это, старались разубедить меня. Тогда, да и сейчас, меня окружали очень хорошие, но неверующие люди. Теперь мне их жаль, а в то время они из добрых, как им казалось, побуждений пытались разъяснить мне, что вера в Бога — это не просто глупость, это еще одно ярмо, которое я добровольно вешаю на себя. Надеюсь, что когда-нибудь они изменят свои убеждения, хотя главное для этого — их желание. Но тогда это сделало мой путь к Богу более длительным и мучительным. И поделом. За мои сомнения.

В те трудные, полные мучительных сомнений дни я встретила добрую приятельницу свою и поделилась с ней размышлениями. Она, оказалось, стала верующей — баптисткой и зазвала меня в Баптистскую церковь. Приняли меня там очень приветливо, с радостью, что к ним пришла еще одна сестра, этого я, откровенно говоря, не ощущала в Православной церкви, а ведь это так необходимо, когда совершаешь первые шаги. Именно в Баптистской церкви стали отступать мои сомнения. Именно тогда я уверовала в Бога, уверовала всей душой. Огромное спасибо за это Баптистской церкви. Но через некоторое время я стала ощутимее чувствовать, что чего-то мне не хватает у баптистов. И проповеди пресвитера умные, интересные, и окружают меня добрые братья и сестры, и хорошо мне с ними, но душа ищет чего-то еще. Я даже сейчас до конца не понимаю — чего. То ли не хватало глубины таинств, то ли это был зов православных предков...

Но что-то заставило меня оставить баптистов и прийти в Православную церковь, где вскоре я крестилась.

После крещения прошло уже три года, а я до сих пор еще на пороге Православия и чувствую себя как-то странно: и далее не могу продвинуться, и уйти не могу, так и нахожусь среди

оглашаемых. Я и на исповеди признавалась в этом, и говорила, что мне многое непонятно в церковных канонах и правилах. Но получала ответ и правильный, и недостаточный: «Ходи чаще в церковь, и будет все ясно». При храмах то тут, то там создаются, вернее создавались, сейчас — реже, детские воскресные школы. Но почему детские? Начинать ведь надо с родителей, которые были лишены главного и сейчас этого главного не могут ни достичь сами, ни дать это своим детям.

Я очень рада, что существует православно-христианская школа для взрослых и я нашла путь к ней. Очень надеюсь, что получу здесь ответы на многочисленные вопросы, что эта школа мне поможет укрепиться в вере.

Ю. И.

Начало своего пути могу датировать возрастом около 30 лет. Поводом послужила книга В. Сидорова «Путешествие в Гималаи». Книга захватила таинственностью, поиском чего-то необыкновенного, но, главное, удивила. Взрослый человек, В. Сидоров всерьез относится к вопросам: в чем смысл жизни? где источник всего? и т. д. Значит, эти вопросы имеют ответы? Вернее, могут иметь? У меня они возникали, но так, между прочим — в виде бесплодных разговоров.

После прочтения книги стал искать. Не могу сейчас сказать, что я искал. Не Бога. Нет. Скорее какую-то атмосферу, людей, идеи. Где ответы? На Востоке, разумеется. Нашлись люди, знакомые с этой тематикой, появились книги, завязалось общение. Были лекции каких-то полуподпольных «гуру» и вполне профессиональных философов. Год-два ушли на осваивание информации. Следующие два года вопросы осознавались, вернее, осознавалась их глубина. Ответов не было. Стало заметно, что все, кого я знал, с кем общался, спорил и т. д., — все здесь «плавают». Никто ничего толком не понимал.

К этому времени (где-то к 33 годам) я и сам стал специалистом-эзотериком, и хотя разъясняющих ответов не имел, зато неплохо ориентировался во многих восточных учениях и религиях. Это несколько компенсировало провал моего поиска. О Боге по-прежнему не задумывался. В лучшем случае — в рамках хорошего эзотерического тона, как о некой полуабстрактной категории: Абсолют, мол, что тут скажешь, сами понимаете...

В 33 года я переехал из Питера в пригород. Деревня. Жителей — человек 40-50. Атмосфера «большой зоны». Отношения — «паханы и шестерки». Это по существу. А внешне — обычные деревенские мужики плюс начальник. В этой «школе сержанта» через год от моего йогически-эзотерического мировоззрения не осталось камня на камне. Я оказался голым и растерянным. Какие уж тут чакры, какая медитация с философией — лопату в зубы и пошел. Короче, йога перед «совком» не устояла...

Вскоро я полюбил и женился. Жена моя христианкой не была, но Евангелие читала и иногда цитировала. Я заинтересовался, стал читать. Книга захватила. Она была несоизмеримо глубже всего того, что я до сих пор читал, вернее, она была вне рамок и категорий. Другое измерение. Стали читать вместе. Каждый день. Появилась необходимость чтения, а затем и желание стать верующим. Года два назад я уже мог сказать, что я верующий, причем православный. Бог постепенно открывался мне, но с церковью отношения оставались «на Вы». Желание ходить в церковь было, но существовало и препятствие. Дело в том, что я лет с 25-26 сильно пил. Запоями. Много лет. К 33 годам кодировался и с тех пор не пью. Но как же быть с причастием? Жизненной необходимости в причастии я не ощущал, просто хотел. После разговора с о. Василием, настоятелем Свято-Парголовского храма, решился и пошел на причастие. С тех пор иногда (раз в 2-3 месяца) хожу на литургию. Последний год появилось

чувство недостаточности, чувство неопределенное и, казалось, неразрешимое: чего-то я не понимаю, чего-то не хватает. Выпадает самый главный элемент. Какой? Не понимал. Затем появилась группа катехизации. Я и жена записались, но первое время я на встречи не попадал, поэтому жена привезла домой кассету с записью беседы священника Георгия Кочеткова. Я впервые услышал слова «оглашение» и «воцерковление». Эти слова и оказались последним элементом, которого не доставало. Все встало на место. Сейчас хочется жить в Церкви и Церковью.

Протопресвитер Александр Шмеман: Таинство и символ

Богослужение и таинства

1

Основная трудность, с которой сталкивается православный христианин, когда речь идет о таинствах, – необходимость выбирать между разными пластами своей богословской традиции. Если он остановится на более близком нам времени и более официальном «школьном богословии» ("theology of manuals"), которое стало складываться в православных богословских школах, начиная с XVI в., его представления будут, конечно, очень сходны с любым латинским «De sacramentis». От общего определения таинств как «видимых средств невидимой благодати» он перейдет к различению в них «формы» и «вещества», к установлению их Христом, к их числу и классификации и, наконец, к их должному совершению как условию их действительности. Однако сегодня все больше православных богословов признают тот факт, что такой подход к таинствам, хотя он и был общепринятым и ему обучали на протяжении нескольких веков, имеет очень мало общего с истинной традицией Восточной церкви. Он видится, скорее, как одно из наиболее прискорбных последствий и проявлений «псевдоморфозы», которую претерпело православное богословие с конца эпохи патристики, когда трагические условия церковной жизни вынудили православных «ученых мужей» некритически воспринять западные богословские категории и систему взглядов. Результатом этого стало сильно ориентированное на Запад богословие, традиции которого сохранялись (и в известной степени сохраняются поныне) в духовных учебных заведениях. В России, например, богословие преподавалось на латыни вплоть до 40-х годов XIX века! «Западное пленение» православного богословия решительно осуждалось лучшими богословами последнего столетия, и сегодня существует представительное движение, направленное на восстановление нашим богословием своих исторических корней и методологии. Возврат к св. отцам, к литургическим и духовным традициям, которые по существу игнорировались «школьным богословием», начинает приносить свои плоды. Этот процесс, тем не менее, находится еще в своей начальной стадии, и в области богословия таинств еще почти ничего не сделано, что означает, что любая попытка «восстановления» и «возрождения» неизбежно будет здесь лишь предварительной и пробной.

Первоочередная задача состоит, таким образом, в том, чтобы восстановить истоки, поставить вопросы, которые в рамках устаревшего школьного богословия не только не могли найти ответа, но даже не могли быть сформулированы.

Что такое таинство? Отвечая на этот вопрос, западное и «прозападное» постпатристическое богословие помещает себя в рамки ментального контекста, который значительно, если не радикально, отличается от существовавшего в ранней церкви. Я говорю ментальный, а не интеллектуальный, так как различие здесь принадлежит уровню, намного более глубокому,

чем просто интеллектуальные положения или богословская терминология. Богословие эпохи св. отцов, несомненно, было не менее «интеллектуальным», чем схоластика, а что касается терминологии, то именно ее непрерывная преемственность, использование тех же слов, как бы ни изменялось их значение, могла сделать неявным разрыв между двумя типами богословия таинств.

Внешне или формально это изменение состояло прежде всего в новом подходе богословия таинств к самому объекту своего исследования. В ранней церкви, в трудах св. отцов таинства, с тех пор как их стали пытаться систематически интерпретировать, всегда объяснялись в контексте своего непосредственного литургического совершения, когда объяснение по существу являлось экзегезисом самой литургии со всей ее обрядовой сложностью и точностью. Средневековое «De sacramentis», однако, стремится с самого начала отделить таинство от его литургического контекста, найти и выразить в понятиях максимально точно его суть, т.е. то, что отличает его от не-таинства. Таинство в определенном смысле начинают противопоставлять литургии. Оно, конечно, имеет свое богослужбное выражение, свой «знак», который относится к его сути, но этот знак рассматривается теперь как онтологически отличный от всех других таинств, символов и обрядов церкви. И из-за этого отличия только знак таинства становится во всем богослужении единственным заслуживающим внимания богословов объектом. Можно, скажем, читать и перечитывать прекрасные комментарии к таинствам в «Summa» св. Фомы, так ничего и не узнав об их литургическом совершении. Можно также скрупулезно изучить практически все, что есть в православии и католичестве о священстве, не встретив ни одного упоминания о традиционной и органичной связи между рукоположением и евхаристией¹. С точки зрения историков богословия, такое изменение связано с тем, что они называют развитием «научного богословия» и «более точных» методов в нем². На самом деле, однако, это изменение, будучи далеко не чисто внешним, имеет корни в глубокой трансформации философских взглядов, по существу, всего богословского мировоззрения. И если мы хотим установить первоначальное значение таинства, нам надо прежде всего попытаться понять природу этой трансформации.

3

Чтобы упростить нашу задачу, мы можем как точку отсчета для этого исследования взять долгий и хорошо известный спор, который от начала до конца определяет на Западе развитие богословия таинств, и особенно евхаристического богословия. Это спор о реальности присутствия. Нигде так ясно не прослеживается эта разграничительная линия между двумя подходами к таинству, равно как и причины, которые привели к переходу от одного к другому. В контексте этого спора понятие «реальный» очевидно содержит в себе возможность присутствия иного рода, которое поэтому является не реальным. Это иное присутствие в Западном богословии и научной мысли, как мы знаем, принято обозначать словом символический. Мы не можем здесь углубляться в очень сложную и во многих отношениях запутанную историю этого понятия в западной мысли¹. Очевидно, что в существующем языке богословия, поскольку он формируется между Каролингским возрождением и Реформацией и несмотря на все разногласия между соперничающими богословскими школами, «несовместимость между символом и реальностью», между «*figura et veritas*» всегда утверждалась и признавалась². Утверждению «*mystice, non vere*» соответствует не менее категоричное «*vere, non mystice*»³. Св. отцы же и вся ранняя традиция – и здесь мы подходим к самой сути проблемы – не только не знают этого различия и противопоставления, но для них символизм неотъемлем (is the essential dimension) от таинства и служит единственным ключом к его пониманию. Преп. Максим Исповедник, выдающийся представитель святоотеческого богословия таинств, называет Тело и Кровь Христа на Евхаристии символами ("*symbola*"), образами ("*apeikonismata*") и тайнами ("*mysteria*")⁴. «Символическое» здесь не только не

противопоставляется «реальному», но предполагает его (embodies it) как свое непосредственное выражение и способ проявления. Историки богословия, больше всего радея о поддержании мифа о преемственности богословия и его методичной «эволюции», и здесь умудряются отнести это за счет «неточности» святоотеческого богословия. Такое впечатление, что они не понимают, что святоотеческое употребление понятия «symbolon» и связанных с ним не «расплывчатое» или «неточное», а просто отличное от того, что мы видим у более поздних богословов, и что последующая трансформация этих понятий становится источником одной из величайших трагедий богословия.

4

Основное различие здесь – различие в понимании самой реальности или, как мы говорили выше, разное отношение к миру. Если для св. отцов символ служит ключом к таинству, то потому, что таинство неразрывно связано (is in continuity) с символической структурой мира, в котором «omnes ... creaturae sensibiles sunt signa rerum sacram». И мир символичен – «signum rei sacrae» – так как он создан Богом; таким образом, «символизм» относится к его онтологии, когда символ – это не способ восприятия и постижения реальности, не только средство познания, но и средство участия. И тогда именно этот «естественный» символизм мира – можно было бы даже сказать его «таинственность» – делает таинство возможным и служит ключом к его пониманию и восприятию. Если христианское таинство уникально, то не в смысле чудесного исключения из естественного порядка вещей, созданного Богом и «возвещающего Его славу». Его абсолютная новизна не в его онтологии, но в тех специфических «res», которые оно «символизирует», т. е. открывает, выражает и передает, которые суть Христос и Его Царство. Но даже эту абсолютную новизну следует воспринимать не как полный разрыв, а как исполнение. Таинство Христа являет и исполняет конечный смысл и назначение нашего мира. Поэтому установление таинств Христом (тема, которая будет волновать все более позднее богословие) – это не творение ex nihilo «таинственности» как таковой, таинства как средства познания и участия. В словах Христа «сие творите в Мое воспоминание» это сие (трапеза, благодарение, преломление хлеба) уже «таинственно»¹. Это установление значит, что, будучи соотнесен со Христом, наполнен Христом, символ исполняется и становится таинством.

5

Именно эту неразрывную связь таинства и символа постпатристическое богословие начинает сначала преуменьшать, а потом и просто отрицать, и делает оно это из-за усиливающегося «распада» ("dissolution") символа, обусловленного в свою очередь новым пониманием отношения богословия к вере. Основной вопрос богословия – это проблема познания, а точнее, познаваемости Бога, и природа этого знания. Если св. отцы соединяли в живом и действительно «экзистенциальном» синтезе, с одной стороны, абсолютное «инобытие» ("otherness") Бога, невозможность для человека познать Его до конца и, с другой стороны, реальность человеческой причастности Богу, познания Его и «теозис», то этот синтез становился возможным главным образом благодаря их идее или, лучше сказать, видению таинства и условия его существования и действия – символа. Ибо сама природа символа такова, что он являет и передает «иное» именно как «иное», видимое невидимого как невидимого, знание о непознаваемом как о непознаваемом, присутствие будущего как будущего. Символ – это средство познания того, что не может быть познано иначе, ибо познание здесь зависит от участия – живой встречи и вхождения в то откровение реальности, которым является символ. Но тогда богословие не просто как-то связано с таинством, но имеет в нем свой источник, непосредственное условие самого своего существования. Богословие как истинное знание о Боге есть результат знания Бога – и в Нем всей реальности. И тогда «первородный грех»

постпатристического богословия состоит в этой редукции понятия «знание» к рациональному или дискурсивному знанию или, другими словами, в отделении знания от таинства. Это богословие не отрицает «символического мировоззрения» ранней традиции: приведенная выше цитата «*omnes ... sensibiles creaturae sunt signa rerum sacrum*» принадлежит св. Фоме Аквинскому¹. Но оно принципиально меняет понимание этого «*signum*». В ранней традиции, и это для нас особенно важно, отношение между знаком в символе (А) и тем, что он «обозначает» (В), не является ни чисто смысловым (А означает В), ни причинно-следственным (А есть причина В), ни репрезентативным (А представляет В). Мы называем это отношение откровением. «А есть В» означает, что все А выражает, передает, являет, делает очевидной «реальность» В (хотя и необязательно всю), не теряя, однако, при этом своей собственной онтологической реальности, не растворяясь в другой «*res*»². Но именно это отношение между А и В, между знаком и означаемым было изменено. Из-за сведения знания к рациональному и дискурсивному между А и В пролегает пропасть (лат. – *hiatus*). Символ еще продолжает служить средством познания, но, как всякое знание, это знание о, а не знание чего. Он может быть откровением о «*res*», но не откровением самой «*res*». А может означать В или представлять его, или даже в некоторых случаях быть причиной его присутствия; но А больше не воспринимается как непосредственный способ участия в В. Знание и участие теперь – реальности разного порядка.

6

Для богословия таинств этот распад символа имел поистине катастрофические последствия. Изменив само понятие таинства, он радикально трансформировал и богословие как таковое, спровоцировав таким образом кризис, весь масштаб и глубину которого мы только сейчас начинаем осознавать. Теперь, мы надеемся, должно быть ясно, что тема «реального присутствия», затронутая ранее, появление которой в определенном смысле открыло послесвятоотеческий период в богословии таинств, родилась из богословского сомнения в реальности символа, т. е. его способности содержать в себе и передавать реальность. Мы уже кратко объяснили причины для такого сомнения: с одной стороны, идентификация символа со средствами познания и, с другой стороны, редукция познания к рациональному и логическому знанию о реальности, а не ее самой. И поскольку традиция была единодушна в утверждении таинства как *verum*, т. е. реального, неизбежно возникал вопрос: как символ может быть средством выражения и способом существования (*the vehicle or the mode*) таинства? Но поскольку святоотеческое употребление символической терминологии по отношению к таинствам было в равной степени очевидным наследием (лат. – *datum*) этой традиции, проблема была решена сначала просто пополнением одной терминологии – символической за счет другой – реалистической. Таинство одновременно «*figura et res, veritas et figura*», оно «*non solum mystice, set etiam vere*». Но вскоре из-за усиливающегося обесценивания символа вследствие его распада эти два понятия стали рассматриваться не только как разные, но как прямо противоположные¹. В известном случае с Беренгарием Турским замечателен тот факт, что Беренгарий и те, кто его обвинял, понимали символ абсолютно одинаково. Если для него Тело и Кровь Христовы на Евхаристии не реальные, потому что они символические, для Латеранского собора (1059) они реальны именно потому, что они не символические. Такое различие неизбежно привело к противопоставлению, которое стало основой всего дальнейшего развития богословия¹.

7

Оставалась, однако, проблема *signum*, отношение которого к *res* таинства следовало определить по-новому. Ибо если это не символ, то что тогда? Постпатристическое богословие ответило на этот вопрос, определив *signum* как *cause*², и именно здесь понятие таинства и,

возможно, опыт его совершения претерпели наиболее глубокие изменения. В ранней традиции причинность, присущая таинству, освящение тех, кто участвует в нем, неотделима от его символизма, так как она берет в нем свое начало. Это ни в коей мере не ограничивает и не опровергает единственное основание всех таинств – их установление Христом – ибо, как мы уже говорили, именно в этом установлении заключается исполнение символа Христом и, следовательно, его преобразование в таинство. Таким образом, это не акт разрыва, но исполнения и актуализации. Это откровение – во Христе и через Него – о «новом творении», а не о творении чего-то «нового». И если это свидетельствует о связи между творением и Христом, то потому прежде всего, что существует неразрывная связь между Христом и творением, чьим Словом, Жизнью и Светом Он является. Именно этот аспект и установления таинств, и самого таинства практически исчезает в постпатристическом богословии. Каузальность, связывающая установление и *signum*, по отношению к *res* рассматривается как внешняя и формальная, а не как внутренняя и служащая откровением. Она, скорее, гарантирует действенность таинства, чем является откровением посредством исполнения. Даже если, как в случае с Евхаристией, знак полностью отождествляется с реальностью, это происходит, скорее, с позиции отрицания знака, а не исполнения. В этом смысле догмат о воплощении в его троичной форме – поистине крушение, а точнее самоубийство таинственного богословия. Если это новое понимание каузальности – как внешней и формальной гарантии – разрывает онтологическую связь между знаком и *res*, оно также отрицает *de facto* всю связь между таинством как «установлением» и естественным порядком вещей. Теперь подчеркивается и утверждается именно отсутствие связи. Воспринимаемое в такой же степени как «*causa principalis*» знака, как и «*causa secunda*», это установление становится теперь абсолютной точкой отсчета в системе таинств исключительно *sui generis* (само по себе, взятое в отдельности, – прим. пер.). И попытки некоторых современных богословов вернуть понятию «знак» «богатство символической традиции» предполагают случайные моменты, а не суть учения о таинствах и его понимания.

И само учение, и его понимание сейчас очень отличаются от того, что было в ранней Церкви. Тогда таинство поистине объединяло три основных измерения или уровня христианского видения реальности – Церковь, мир и Царство Божие, а не только было открыто для них. И, объединяя их, оно позволяло познавать их – в самом глубоком, святоотеческом, смысле слова «познание» – как понимание и участие одновременно. Это было источником богословия – знание о Боге в Его отношении к миру, Церкви и Царству, постольку, поскольку это было знанием Бога и в Нем всей реальности. Имея свое основание, начало и конец во Христе, оно в то же время служило откровением о Христе как об основании, начале и конце всего сущего, его Творце, Спасителе и исполнении. Трансформация таинства в постпатристическом богословии заключалась, таким образом, в его изоляции в пределах закрытого самодостаточного организма таинства. То внешнее выделение таинства из литургии, о котором мы упоминали, на самом деле «символизирует» значительно более глубокие изменения. «Идея таинства, – пишет с воодушевлением один современный богослов, – это что-то абсолютно *sui generis*, и чем меньше антропоморфизма или даже «ангелизма» мы в него привносим, тем лучше для богословия... У таинств своя жизнь, своя психология, своя благодать... Ни на небе, ни на земле с таинствами ничего не может сравниться»¹. Вот с этого-то их превозношения и восхваления как высшей реальности и началось прогрессирующее отчуждение от них богословия, экклезиологии и эсхатологии, отчуждение, которое – понимаем мы это или нет – послужило причиной сегодняшнего кризиса, стало источником яда «секуляризма...» Как средства личного благочестия и очищения они сохраняли всю свою «ценность». Как кафолические акты Церкви, исполняющей свое назначение, как символы «будущего века» в мире *sem*, завершения в Боге всего творения – они были просто забыты.

Теперь мы можем вернуться к истокам Православия. Предшествующий анализ должен был показать только одно: если мы хотим обнаружить истоки, мы можем сделать это, только пересмотрев те стороны таинства, которые были искажены или просто игнорировались на протяжении долгого периода зависимости православного богословия от западных, преимущественно латинских, форм мысли. Как это сделать? Очевидно, что это открытие заново не может быть чисто интеллектуальным. Просто чтения св. отцов, самого по себе необходимого и полезного, еще недостаточно, потому что даже святоотеческие тексты можно использовать, что зачастую и происходит, в подтверждение богословских систем, глубоко чуждых истинным взглядам св. отцов. Нынешний «возврат к св. отцам» не может состояться, если он будет предлагать лишь жесткую «патристическую схему», которая на самом деле никогда не существовала. Непреходящая заслуга св. отцов в том и состоит, что они показали динамический, а не статический характер христианского богословия, его способность всегда быть современным, не подлаживаясь под современность, открытым всем человеческим чаяниям, не будучи зависимым ни от одного из них. Если бы за возвратом к св. отцам стояло чисто формальное повторение их терминологии и формулировок, он был бы таким же ошибочным и бесплодным, как отрицание св. отцов «современным» богословием из-за их якобы устаревшего мировоззрения.

Все это имеет самое непосредственное отношение к нашему употреблению понятия «символ». Если мы и подчеркиваем здесь, что оно является центром таинственного богословия и ключом к его «восстановлению», то не только потому, что оно встречается в святоотеческих текстах. Ведь в них можно найти и много других понятий, в равной степени, если не более, важных для их понимания. Не составит большого труда доказать, что, с одной стороны, понятие «символ» чисто терминологически не является ни наиболее распространенным, ни самым основным, и, с другой стороны, что ни одно слово в святоотеческих текстах не является абсолютным само по себе, но приобретает свое значение, свое богословское осмысление только в более широком богословском и духовном контексте. Что же тогда подтверждает, что выбор этого понятия, в предпочтение всем остальным, оправдан и что наша интерпретация его верна? Ведь существует уже его схоластическое толкование, причем в смысле, который для нас здесь неприемлем.

В ответ на все эти вопросы скажу, что даже если бы св. отцы вообще не употребляли бы этого слова, все равно для нас сегодня оно служило бы самым верным средством для восстановления значения того фундаментального опыта, о котором свидетельствуют их труды, с которыми они все эксплицитно или имплицитно связаны и который в конечном счете единственно важен для нас у св. отцов. Ибо именно это слово или, точнее, то значение, которое оно сегодня все больше начинает приобретать, служит единственным, если не уникальным, мостиком между мировоззрением и опытом св. отцов, с одной стороны, и, с другой, самыми сокровенными ожиданиями, сомнениями и противоречиями нашего века, как бы мы ни обвиняли его в «модернизме, секуляризме и технократии». Именно на этом понятии символа сфокусировано сегодня все внимание и богословской, и секулярной мысли как на вопросе, от которого зависят все остальные вопросы, как на самом «символе» человеческого смятения и поиска. И если сегодня приходится так часто слышать о потребности в «новых символах», если символ и символизм становятся объектами изучения и внимания в кругах, никак иначе не связанных, то потому, что за всем этим стоит экзистенциальный опыт полного разрыва и потери «коммуникации», трагического отсутствия «объединяющего начала», которое было бы способно снова воссоединить и удержать вместе поврежденные и разобщенные грани человеческого существования и знания. И вот это объединяющее начало, чье отсутствие ощущается так остро и поиск которого определяет современную мысль, и было названо

символом. Его коннотации одновременно когнитивные и деятельные, так как его назначение – вернуть цельность и знанию, и существованию, вновь объединяя одно с другим. Никто не знает что это за символ, но то, что надеются в нем найти, намного ближе к святоотеческим идеям и опыту символа, чем к послесвятоотеческим, вот почему мы называем его мостиком¹.

9

Христианин, однако, по определению должен знать. Разве он не исповедует Христа как Свет и Жизнь мира, как полноту всякого знания и Искупителя всего творения? В этом смысле – а именно это стоит за поисками миром символа – не является ли Он в конечном счете Символом всех символов? Разве Сам Христос не говорил, что тот, кто видел Его, видел Отца, кто в Нем пребывает, имеет причастие Святого Духа, кто верит в Него, уже имеет – здесь и теперь – жизнь вечную? Но почему же тогда христианство не воспринимается и не признается миром как осуществление его поисков символа и кажется таким иррелевантным ему? Мы подошли к самому больному вопросу (the agonizing «focus») нынешнего состояния христианства, который, мы надеемся, показывает всю важность предшествующего анализа. Ибо он показывает, что если христианство не выполняет своей символической функции – быть таким «объединяющим началом», это происходит из-за разрушения символа прежде всего самими христианами. В результате этого разрушения христианство стало выглядеть сегодня, в глазах мира во всяком случае, как, с одной стороны, чисто интеллектуальная доктрина, которая все больше «дает трещину» под давлением абсолютно чуждого интеллектуального контекста, или, с другой стороны, как чисто религиозная организация, которая также «трещит по всем швам», раздираемая собственным институционализмом. И, конечно же, прилагательное «святой», которое мы употребляем по отношению к этой доктрине и организации, само по себе еще не может преодолеть «подрыв доверия» и сделать христианство символом, которым оно перестало быть. В том-то все и дело, что святой никак не может быть простым прилагательным, определением, достаточным, чтобы гарантировать божественное основание (the divine authority & origin) всего. Если оно что-то и определяет, то изнутри, а не извне. Оно выражает, как пишет Рудольф Отто, «тайну велику», т. е. силу свыше, которая превосходит в доктрине ее интеллектуализм и институционализм в организации. И именно эта святость – сила богоявления – безнадежно утеряна сегодня и доктриной, и организацией, и это не по человеческим грехам и ограниченности, а непосредственно вследствие сознательного выбора: отрицания и потери символа как фундаментальной основы как христианской «доктрины», так и «организации».

И положение несколько не меняется, когда многие «современные» христиане, даже богословы, присоединяются к остальным в требовании «новых символов», думая, что христианство вновь обретет свою «значимость» для мира, если удастся показать, что Христос – это «символ» той или иной вещи, «иллюстрация» идеологии, «образ» и «персонификация» нашего отношения к чему-либо. Они остаются безнадежными пленниками того самого – внешнего и иллюстративного – понимания символа, изобретенного их предшественниками, которое сегодня задним числом продолжает служить оправданием их капитуляции перед идеологиями и системами взглядов, чье отношение ко Христу, мягко говоря, сомнительно. Они никак не хотят понять, что, чтобы Христос стал «символом» чего-либо в этом мире, сам мир должен в первую очередь постигаться и приниматься как символ Бога, откровение о Его Царстве, силе и славе, что, иными словами, «Христа» или «Бога» не нужно определять на языке этого мира и его преходящих нужд, чтобы сделать их символами, но наоборот, это Бог и только Он сделал мир Своим символом, чтобы исполнить потом этот символ во Христе и осуществить его в Своем вечном Царстве. Теряя значение символа, мир оборачивается хаосом и самоуничтожением, идолом и обманом, он обрекается на исчезновение как тот образ, который должен «прейти» (1 Кор 7: 31). Делать Христа символом этого проходящего мира – верх глупости и слепоты, потому

что Он пришел для прямо противоположного – спасти мир, восстановив его как «символ» Бога, как жажду и алкание исполнения в Боге, как знак Его Царства и Путь в него. И Он спас его, преодолев его самодостаточность и непроницаемость основанием в «мире сем» Церкви – символа «нового творения» и тайны «будущего века». И если христиане хотят, как они о том заявляют и что на самом деле они должны делать, служить миру, предложить ему тот «символ», который он так отчаянно ищет, это станет возможным, только если они сами заново откроют этот символ и откроют его там, где он всегда и был – по божественной воле и установлению – в Церкви. Св. отцы или традиция могут помочь им осуществить это открытие, могут внести ясность, так сказать «объяснить», как его делать; чего они не могут, так это сами стать им. Тогда остается последний вопрос: где и как этого достичь?

10

На это православное богословие, стоит только ему оправиться от «западного пленения», должно ответить: в цельной литургической жизни Церкви, в той сакраментальной традиции, которая на Востоке, по крайней мере, была не так существенно искажена блужданиями отчужденной богословской мысли. Мы уже говорили, что роковой ошибкой постпатристического рационализма было выделение таинств из литургии как наиболее полного выражения жизни и веры Церкви. По существу, это означает отделение таинства от символа, т. е. того сообщения со всей реальностью, которое происходит в таинстве. Став закрытым и самодостаточным «средством благодати», каплей реальности в море символов, таинство лишило литургию ее основного назначения – связывать таинство с Церковью, миром и Царством Божиим или, иными словами, их экклезиологическим, космическим и эсхатологическим содержанием и измерением. Литургия была предоставлена «благочестию», которое расцвело ее тысячами комментариев и интерпретаций, «символическими» на этот раз в новом «иллюстративном» и номинальном значении этого слова. Рассматривают ли ее «археологически» – как набор «древних и красочных» обрядов, или «эстетически» – как своего рода аудио-визуальную поддержку для молитвы, она так или иначе стала иррелевантной – богословию, миссии, в общем, всей жизни Церкви. Она еще имеет и, вероятно, всегда будет иметь своих верных – «литургически настроенных» христиан. Но что она может дать Церкви с большой буквы, ее «активистам» и «гностикам»?

Восстановить первоначальное и органическое единство между литургией и таинством, литургию посредством таинства и таинство посредством литургии как одну динамичную реальность, в которой символ – литургия – всегда исполняется в таинстве, – вот единственное условие для возврата к той точке отсчета, которая сможет вывести нас из нынешнего тупика. И поистине литургическая природа таинства так же, как таинственная природа литургии и, благодаря ей, всей Церкви, являются живыми источниками того динамического единства, вечным свидетельством которого остаются св. отцы. Но это единство существует не только в далеком прошлом и в книгах. Оно с нами – здесь и сейчас, – если только у нас есть глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать, если, отбросив все ненужные проблемы, накопленные за века, мы сможем добраться до реальной Церкви и заново осмыслить «*lex orandi*» как источник ее «*lex credendi*».

Только теперь мы приближаемся к нашей основной задаче, заложенной в названии статьи. Она состоит в раскрытии на основе пристального изучения литургии, литургической традиции и опыта Церкви истинного содержания этого Символа, которым является Церковь и который она осуществляет в Таинстве, таким образом исполняя свое назначение. Конечно, в рамках этой статьи мы не можем дать этому достаточное обоснование, поэтому она служит лишь самым общим введением, предварительным обозначением возможного развития темы. Нам остается сказать в заключение, что если такая попытка будет предпринята, она должна показать, что

подлинным назначением литургии всегда было сводить воедино, в одном символе, три уровня христианской веры и жизни: Церковь, мир и Царство Божие, что сама Церковь, таким образом, является таинством, в котором поврежденная, но все же «символическая» жизнь «этого мира» возносится во Христе и Христом до Царства Божия, становясь сама таинством «будущего века» или тем, что Бог от века уготовал любящим Его, где все человеческое может быть преображено благодатью, так что все станет совершенным в Боге. Наконец, она должна показать, что здесь и только здесь – в этом таинстве божественного присутствия и действия – Церковь всегда становится тем, что она есть – Телом Христовым и Храмом Духа Святого, уникальным Символом, который восстанавливает, принося Богу, мир, за жизнь которого Он отдал Своего Сына.

Перевод с англ. Елизаветы Гиппиус

Священномученик протопресвитер Александр Хотовицкий: О богослужебном языке

Богослужение и таинства

В последнее время стали известны и доступны протоколы и стенограммы заседаний Поместного собора Российской Православной Церкви 1917–1918 гг., хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации. Интересно проследить мнение участников Собора по назревшим к тому времени проблемам церковной жизни, которые не потеряли свою актуальность и сейчас. В связи с церковным прославлением священномученика протопресвитера Александра Хотовицкого († 1937 г., память 4 декабря) приводим его мнение как участника работы подотдела о богослужебном языке. Андрей Новосильский, резюмировавший работу подотдела, говорил, что прот. Александр Хотовицкий признавал перевод безусловно необходимым (ГАРФ, ф. 3431, оп. 1, д. 283, л. 555). Выступление о. Александра печатается полностью, как оно сохранилось в стенограмме.

«Перевод безусловно необходим, ибо изгонять верующих из церкви из-за непонимания славянского языка преступно. Даже мы, священники, знакомые со славянским языком, часто встречаемся с такими местами славянского текста, которые нам совершенно непонятны, и вместо сознательной молитвы понапрасну ударяем звуками в воздух. Вообще закрывать двери православия отказом введения русского языка в богослужение из-за красоты формы славянского языка нецелесообразно. Примеры перевода некоторых книг за границей дали блестящие результаты. Из достоинства славянской речи еще не следует отрицание перевода книг, а равно богослужения и молитв на русский язык, ибо таким образом мы бережем золотник, а теряем пуд».

Сергей Каринский: Еще раз об агапах

Церковная жизнь

Советская журналистика имела свои устоявшиеся жанры, разработанные, в том числе, на Лубянке. Одним из таких жанров являлось так называемое «разоблачение». Он имел свои «классические» приемы. Например, начинался он обычно так: «Среди нас живут люди,

которые, казалось бы, ничем не отличаются от других советских людей. Днем они, как все, ходят на работу, ездят в метро. Но это только видимость. На самом деле они живут двойной жизнью. Главная, основная их жизнь проходит в глубокой конспирации и глубоко чужда советским идеалам».

Так или примерно так писали и про Пастернака, и про Даниэля и Синявского, и про Солженицына. Но почему «писали»? Этот жанр не умер. Он вполне успешно пережил и застой, и перестройку, переживет и постперестройку. Жанр этот почти в классических своих образцах перекочевал на страницы газеты «Православная Москва» (см., например, 1994, № 8). Конечно, в связи со спецификой издания, он потребовал некоторой, впрочем весьма незначительной, корректировки. Скажем, вместо «двойной жизни» здесь пишут о «двойной духовной жизни». Но в остальном все узнаваемо, узнаваемо до ностальгии. Речь идет о статье священника (тоже некоторая специфика издания — раньше это был бы доцент «научного коммунизма») Константина Буфеева «Повеждь Церкви. О духовной деятельности братства «Сретение». И, разумеется, в лучших традициях партийной печати «Православная Москва» отказалась печатать наш ответ на эту статью: на «разоблачение» ответа быть не может. Позже статья о. Константина была опубликована во второй раз — в сборнике «Сети обновленного православия» (М., Русский Вестник, 1995), в несколько измененной редакции и под другим названием — «О богослужбном языке Православной Церкви». Стремясь хотя бы отчасти преодолеть наследие советского режима в церковной жизни, ниже мы помещаем этот ответ.

(ответ священнику Константину Буфееву)

Уважаемый о. Константин!

Хотя я и не имею чести быть членом православного братства «Сретение», но являюсь прихожанином храма, где служит о. Георгий Кочетков, духовный попечитель этого братства. Кроме того, я не раз участвовал в братских трапезах, в том числе и тех, которые иногда называют агапами (хотя я принципиальной разницы между агапами и «просто» трапезами, если эти трапезы совершаются православными христианами и православно, не вижу). Поэтому Ваша статья «Повеждь Церкви. О духовной деятельности братства «Сретение» относится непосредственно и ко мне. И раз уж Вы решили обратиться ко мне через газету, отвечаю Вам так же — в печати. Не сочтите для себя обидным, что я кое в чем не согласен с Вами.

Может быть, Вы меня и не помните, но мое вхождение в Церковь происходило в приходе о. Георгия при Вашем непосредственном участии. Тогда мы все, новоначальные, смотрели на Вас как на человека, к которому можно обратиться с тем или иным вопросом. Хотя и тогда некоторые из высказываемых Вами мыслей удивляли нас тем, что они противоречат Священному писанию, отцам церкви, наконец, тому, что говорит нам о. Георгий, да и вообще опыту церковной жизни, который у нас был небольшим, но все же был.

В частности, Вы считали, что наш приход — не такой, как другие, но делали из этого вывод, что «у нас» — хорошо, а в других приходах — плохо. Теперь Вы поменяли оценки «плохо» и «хорошо» на противоположные, но мне кажется, что главная Ваша ошибка состояла раньше и состоит до сих пор в том, что Вы как противопоставляли, так и продолжаете противопоставлять наш приход другим приходам. Слава Богу, никто из членов прихода, кроме Вас, так не делал и не делает.

По-видимому, столь же субъективным было и осталось у Вас восприятие агап. Возможно, Вы действительно рассматривали агапу как «вторичное причастие» либо как «игру в Евхаристию». Тогда это очень большой грех, и я рад за Вас, что Вы нашли в себе силы больше не участвовать в подобных «агапах». Но ведь это только Вы так относились к агапам. Больше никто из

участников агап к ним так не относился и не относится, могу Вас в этом уверить. Агапы в этом не виноваты. Можно из чего угодно делать «игру», и причащаться тоже можно в «суд себе», но это не значит, что плоха Евхаристия. Дело тут не в Евхаристии, дело в недостойно причащающемся.

Так же, видимо, по недоразумению, Вы делаете вывод, что, якобы, для нас агапа важнее Евхаристии. Ну почему Вы так решили? Вы доказываете это тем, что агапы бывают обычно реже Евхаристии. Но так можно доказать все что угодно. Вы же, наверное, отмечаете свои именины реже, чем служите Евхаристию, но я не сомневаюсь, что свои именины Вы выше Евхаристии не ставите. Так же и для нас, говорю совершенно ответственно, именно Евхаристия — центр духовной жизни.

Почему Вы не пришли и не поговорили с нами, прежде чем делать такие серьезные выводы?! Если мы не правы — помогите нам разобраться, в чем именно. Но в тех обвинениях, которые Вы приводите сгоряча в газете, я просто не узнаю нас. У нас все совсем не так.

Ваше «толкование» агап имеет мало общего с реальностью, и по стилю больше всего напомнило мне читанные мной когда-то древние доносы префектов Римскому императору о христианах в период гонений: «Они тайно собираются по ночам, устраивают человеческие жертвоприношения и поклоняются ослиной голове». Вы так «детективно» описываете агапы, что даже то, что мы читаем «Отче наш» перед трапезой, воспринимается как кощунство.

А сказать Вам, что такое агапа? Вот представьте себе: Пасха. Всю ночь идет праздничная служба, да какая! Радость заливает весь храм. Потом, уже утром, после службы, усталые, вы садитесь с братьями и сестрами за трапезу разговляться. Лица у всех удивительные, какие-то светящиеся. Звучит победно: «Христос воскрес из мертвых...» Где-то за окном просыпаются птички и вторят ей, начинается весеннее утро, радостнее которого не бывает на свете, а в окне блестит небо, голубое-голубое... И все друг друга любят, потому что всех коснулась благодать Христова... Вот это, по-моему, и есть настоящая агапа. Неужели Вам это не знакомо?

Вы считаете неправославной молитву вслух «своими словами» (хотя тот пример из жизни преподобномученика Онуфрия, который Вы приводите в подтверждение этого своего утверждения, скорее опровергает Вашу мысль). Отцы церкви думали иначе, чем Вы, и молились в том числе и «своими словами». Именно поэтому у нас сейчас есть наш чудесный Молитвослов. Когда дитя лепечет: «Господи, спаси папочку и мамочку!» — не надо его останавливать. Не стоит ли и нам хоть немного быть «как дети»?

А вот совсем свежий пример из реальной современной жизни Русской православной церкви. Вчера вечером (31 июля) я включил телевизор, чтобы посмотреть документальный фильм о паломничестве представителей Русской православной церкви на Святую Землю. Передать это все я, конечно, не берусь: показывали и Голгофу, и храм Гроба Господня, и другие святыни... Паломники — священники и монахи. И вот, несмотря на то, что фильм был краткий и смог отразить лишь отдельные эпизоды паломничества, несколько раз было показано, как паломники, вовсе не во время богослужения, а просто (как Вы почему-то несколько иронично цитируете в своей статье Библию) «от избытка сердца», один за другим молились вслух «своими словами» за Россию, за своих прихожан, за своих ближних. Вы всех их тоже готовы обвинить в «неправославии»? Жизнь Церкви никогда, ни в одну эпоху не подпадала под Ваши рациональные формулы, была многообразна. Всегда были и молитвы по Молитвослову и Псалтири, и молитвы «своими словами», и безмолвные молитвы, без слов вообще.

Вы считаете неправославной ту мысль, что уставное храмовое богослужение недостаточно для полноты церковной жизни? То есть Вы объявляете ненужным, излишним и личную молитву, и

пост, и многое другое? По-Вашему, ходи на богослужение — и ты уже спасен, а вне богослужения делай что хочешь? Мне представляется, что тут Вы глубоко неправы, и слишком легко начинаете объявлять то или иное «православным» или «неправославным».

Вообще, легкость, с которой сейчас многие готовы объявить то или иное, что непонятно или непривычно для них, «неправославным» или «еретическим», просто поражает. Как будто люди считают эталоном Православия лишь себя! Известно же, чего заслуживает тот, «кто скажет брату своему: «рака» (Мф 5: 22). А ведь «рака» — это всего лишь «деревенщина», «увалень». А тут назвать другого еретиком — как чихнуть! Или я не прав?

Вы находите что-то общее в нашем приходе и у баптистов, и это Вам не нравится, это уже основание для обвинения в ереси (так скоро Вы скажете, что надо в пику баптистам отказаться от Священного писания — баптисты же читают его). Вы находите что-то общее в нашем приходе и у преподобномученика Онуфрия — и это Вам тоже не нравится! Воистину, «мы играли вам на свирели, и вы не плясали; мы пели вам печальные песни, и вы не рыдали» (Мф 11: 17).

Вы, правда, считаете, что сама мысль о том, что Христос может находиться среди мирян, а не только священников, является ересью, как Вы пишете, «десакрализацией в домашних условиях»? Еще шаг — и вы станете утверждать, что благодать дается только священникам, что спастись могут только священники. К тому же в пасхальные дни в том месте литургии, которое называется «целованием мира», слова «Христос посреди нас!» (которые Вы хотите запретить не только произносить, но даже слышать мирянам) заменяются на не менее «сакральные» слова «Христос воскрес!» Вы что же, хотите запретить мирянам произносить и даже слышать и эти слова тоже?

Иногда мне кажется, что Ваша статья — просто неудачная шутка, например, когда Вы утверждаете, что согласно «православной традиции» следует произносить на братской трапезе не молитвы, а тосты. Но шутка, к сожалению, не только неудачная, но и злая.

Прошу простить, если чем Вас обидел по непониманию или сомнению.

1 августа 1994 г.

Преподобный Макарий Египетский: Кто мы такие?

Церковная жизнь

Всегда интересно узнать что-то новое о тех людях, с кем давно и хорошо знаком, но по разным причинам общаешься крайне редко. Например, из-за географической отдаленности. Потом вдруг оказывается, что 900 км от Киева до Москвы — чистая условность. Потому что «процесс пошел» и у нас, и у них и, несмотря на отсутствие координации, почти одинаково. Имеется в виду осмысление современного положения церкви и людей в церкви, возможных путей жизни в создавшихся условиях и опыта конкретного прохождения этими путями.

Ниже мы помещаем два кратких материала, полученных нами от таких «старинных» (все-таки более 15 лет — не год-два!) знакомых, православных братьев и сестер из Киева, создавших несколько лет назад братство во имя свв. Кирилла и Афанасия Александрийских. Это рассказ об их братстве и об общине. Комментировать их редакция предлагает нашим читателям и

готова опубликовать наиболее интересные письма. Может быть, стоит оговорить лишь одно весьма сильное выражение: «Инославные — прах и пепел, по ним пройдут ноги Владыки, устремляющегося уже, чтобы принять Свое Царство...» Да не подумает читатель, что наш журнал открыл свои страницы «ужасно православным» витиям. Во-первых, нельзя не принять во внимание остроту межконфессионального конфликта на Украине, вылившегося в прямую католическую экспансию против православных (ослабленных, к тому же, собственным расколом). Отсюда и повышенная эмоциональность. Во-вторых, это единственная фраза такого рода в обоих материалах и при этом более чем периферийная по отношению к основному их содержанию и пафосу. Ну а в-третьих, у всех есть свои слабые места...

Александр Копировский

Киевское Кирилло-Афанасьевское православное братство Украинской Православной Церкви (Московский Патриархат) получило свое название от прихода, создавшего это братство в соответствии с его уставом и находящегося на территории бывшего Кирилловского монастыря. Инициатива создания братства принадлежит активной части православного населения Киева, ощущающей недостаточность приходских форм организации христианской жизни.

Нельзя дать серьезного, обоснованного ответа на вопрос, поставленный в заголовке этой статьи, не объяснив, зачем вообще понадобилось создание братства как относительно новой формы организации христианской жизни и почему цели, стоящие перед ним, не могут быть достигнуты в рамках одного или нескольких приходов.

Одним из важнейших свидетельств того, что христианская жизнь личности состоялась, является проявление полноты благодатных даров Святого Духа, всегда в Церкви пребывающего. Достигается же это во все более полной самоотдаче каждого члена Церкви и во все более полном участии в жизни Тела Христова всех христиан. Для этого требуется раскрытие множества направлений деятельности и видов служения христиан Церкви и миру, так чтобы могли проявиться различные способности и нашли применение разные силы верующих. В связи с этим необходимо, чтобы всегда существовало видимое место приложения сил и исполнения служений. Это служение должно стать главным содержанием всей жизни христиан и одним из действенных условий спасения. Богослужений же и внебогослужебных собраний в воскресные и праздничные дни для этого совершенно недостаточно.

Основным элементом церковной организации сегодня и точкой притяжения верующих является приход. Однако современный приход в качестве главного своего стержня имеет лишь храмовое богослужение и практически никаких иных задач решать не способен. Если приход возглавляет активный и грамотный священник, то при нем может быть открыта воскресная школа (как правило, детская, реже — взрослая), работающая обычно один раз в неделю, что при нынешней безграмотности верующих и проявлении определенного интереса к церкви среди неверующих никак не назовешь достаточным.

В древности, когда приход практически не был известен, главным элементом церковной организации была община, которая охватывала все стороны жизни христиан и фактически представляла собой тело Церкви. Когда же возник приход, то первоначально он не претендовал на место общины в жизни Церкви. Это произошло позднее. Место прихода было вокруг кафедрального собора, вокруг епископа, и все его назначение заключалось в служении торжественному собранию чад из множества общин церковной области. Конечно, и в исторически менее отдаленные эпохи, когда практически уже сложилась современная церковная структура, церковь брала на себя функцию организации и поддержания отличных от богослужения форм проявления активности своих чад. В принципе и сейчас известны попытки привить приходу новые направления деятельности. Однако это неизбежно приводит к

внутренним конфликтам, поскольку, с одной стороны, новая деятельность требует дополнительных материальных ресурсов и трудозатрат, а с другой стороны, какими бы ни были направления такой деятельности — благотворительность, помощь больным, христианское образование и т. п. — они воспринимаются приходом как второстепенная задача по сравнению с обеспечением богослужений. Новые направления, встречая большие трудности, как правило, угасали или иногда выделялись в независимую от прихода форму проявления христианской деятельности. Одной из таких форм и являются братства. Однако прежде чем говорить о задачах братства, хотелось бы остановиться на некоторых основных положениях, затрагивающих жизнедеятельность, внутреннее устройство и особенности современного прихода в большом городе.

Во-первых, приходы имеют нестабильный состав прихожан, причем выбор верующими того или иного прихода часто случаен, не продиктован желанием реализовать себя как члена церковного организма в единстве веры и любви со своими братьями. Приход же как элемент церковной структуры не налагает никаких ограничений на подобное поведение прихожан. Можно сказать даже, что приходы в лучших своих примерах, где хороший проповедник, хороший хор, особенное богослуженное благолепие, как бы способствуют тем самым миграции прихожан, поддерживая ложное представление о благочестии.

Во-вторых, почти любая деятельность прихода связана с приобретением и расходованием материальных средств, однако средствами, имеющимися на приходе, распоряжается сравнительно небольшая группа, составляющая церковный актив — приходское ядро. Состав этого ядра практически не зависит от состава прихода в силу его нестабильности. Поэтому церковный актив склонен рассматривать прихожан только как один из источников поступления средств. Можно сказать, что церковный актив является фактически небольшой, замкнутой, относительно стабильной общиной, которая объединена совместной деятельностью по обеспечению богослужения. Эта община заинтересована в привлечении верующих как соучастников богослужений, но не видит в них соучастников своей внебогослуженной жизни, так как это может нарушить ее замкнутость и привести к перераспределению средств и ролей со всеми вытекающими отсюда проблемами. Здесь необходимо добавить, что те приходские священники, которые стремятся к реализации себя как пастырей, попадают в двойственную ситуацию. С одной стороны, они заинтересованы в привлечении своих чад к активной внебогослуженной жизни прихода, а с другой, хотят сохранить стабильность и дееспособность приходского ядра.

В-третьих, приходское ядро не только замкнуто и немногочисленно, но и его деятельность достаточно специфична. Поэтому большинство прихожан не могут включиться в его жизнь и приложить свои таланты при всем своем стремлении это сделать. Верующие же прежде всего своими талантами должны служить Богу и Его Церкви и в этом искать духовного возрастания и оправдания своей жизни.

Древняя евхаристическая церковная община обладала полнотой телесности, которая выражалась в соучастии всех ее членов в жизни каждого и всех вместе как апостольских единоверцев и соработников, для которых святейшая Евхаристия была как бы божественным «Аминь» на душевную жажду Бога Живого, Бога Крепкого, как бы благодатным небесным дождем на почву, взрыхленную человеческим трудом, согретую любовью и потому плодоносную. Современный же приход призывает небесный дождь на почву каменистую, не вспаханную, человеческой любовью не согретую, от которой едва ли можно ждать обильного плодоношения.

Евхаристическая община сегодня, несмотря на ее несомненные достоинства, не может быть альтернативой приходской жизни церкви. Новейшая история знает примеры возникновения

евхаристических общин, в которых восстанавливались древние принципы существования Церкви, и их опыт чрезвычайно значим. Однако не следует забывать, что этот опыт формировался в условиях экстремальных, в условиях террора такого масштаба, какого, возможно, в истории еще не было. Это было своеобразным ответом Церкви на попытку ее уничтожения. Как ни парадоксально, но я все же скажу, что этот террор был даром особенной благодати Господа возлюбленным чадам Своим. Нам необходимо помнить, что евхаристическая община всегда являлась замкнутым обществом, и в ту страшную и в то же время благодатную эпоху она была островком торжества жизни, веры и любви посреди океана ненависти и смерти. Далеко не каждый желающий мог сразу в такую общину вступить. К нему долго присматривались — ведь он мог оказаться агентом НКВД, а если даже и нет, то все равно требовалось время и усилия на распознавание в нем «своего». Чаще всего такая община была «непоминающей» или поминавшей только своего ссыльного или заключенного епископа. За тысячи километров она отправляла ему посылки или ее собратья везли передачи — скромные и трогательные дары любви. В маленьком обществе за плотно закрытыми дверями и занавешенными окнами приносилась Святая Евхаристия — каждое причастие было как предсмертное, все слова, произнесенные на исповеди, исполнялись пророческого значения, а проповедь по прочтении Слова Божия становилась новозаветным откровением. Такие общины практически не могли общаться друг с другом и, за редким исключением, друг о друге не знали, но в отношении братьев и сестер проявлялась такая любовь и участие, столько внимания со стороны духовника, что если бы удалось провести сравнение с тем, что происходит у нас сегодня, то современный прихожанин почувствовал бы себя забытым и всеми покинутым.

Впоследствии условия жизни Церкви изменились, стали сравнительно мягкими, церковные таинства совершаются на приходах законным священством. В этих условиях попытка вернуться к евхаристическому общинножительству окажется искусственной. Она будет нести в себе ген отделения от общецерковного единства и, в конечном счете, отпадения от Христа, ибо теперь Его благоволение не явлено возникновением обстоятельств, оправдывающих евхаристическое общинножество или даже делающих его единственно возможным. Такая община человеческим произволом может отделить себя от переживания кафоличности Церкви.

Жить во Христе и строить ковчег спасения нам необходимо в тех условиях, которые складываются сейчас. Это, если можно так выразиться, единственное реальное предложение Господа. Пока на приходах совершается законное богослужение и преподается установленная Им Евхаристия, никто не может отказаться от этого. Однако Евхаристия совершается на земле уже две тысячи лет, и нет числа участникам бывшим и живущим ныне. Однако спаслись не все, кто приступал к Чаше. И это потому, что не срослись с лозою винограда Христова все те отростки, — спасается «малое стадо»! Для сращения же с благодатной лозою необходимо непрерывное самоотверженное служение, тогда обильные дары Святого Духа, явленные в нас, будут знаком того, что состоялась жизнь христианина и Царство Божие наступило и приняло нас. Но для такого служения необходимо место, и если приход дает подходящее место не всем, то мы должны создать его сами, ибо это в нашей власти, а если мы могли, но не создали такого места, то и отвечать тоже нам. Не так много мы знаем внеприходских форм организации христианской жизни: благотворительные христианские фонды, больницы, богадельни, книгоиздательства, иконописные и иные мастерские, школы и университеты, сестричества и братства. Внутри и вокруг таких структур можно найти поле приложения сил многих христиан.

Основное назначение нашего братства в том, чтобы, не отказываясь от приходских форм церковной жизни, стать универсальным местом исполнения служений для тех, кто этого ищет. Многие полезные направления деятельности уже предусмотрены нашим уставом. Но, пожалуй, важнее то, что по мере появления носителей иных талантов возможно развитие и других

направлений, чтобы дать место для нового служения и уже хотя бы этим поработать для Господа. Братство по своей природе отвечает этой задаче, и от его руководства во многом будет зависеть ее решение. Я ни в коем случае не хочу сказать, что наше назначение в том, чтобы расстелить ковровую дорожку пред всяким дарованием, пожелавшим подарить себя нашему братству. Но нужно с христианским трезвением наблюдать за знаками от Господа и по возможности расширять нашу пашню. Одним из таких знаков является наличие подходящего руководителя или координатора соответствующего вида деятельности, поскольку появление такого лица практически не зависит от нас, а является даром Господа, Его благословляющим перстом.

В нашем уставе основными направлениями названы катехизаторская деятельность, евангельская проповедь, благотворительные акции в больницах, приютах, домах престарелых, помощь отдельным лицам, распространение знаний по истории церкви и государства, деятельность, связанная с возрождением духовной жизни православного народа Украины, поддержка и защита святого Православия.

В таком раздельном описании братской деятельности есть некоторая условность. Так, катехизаторская деятельность и евангельская проповедь неразрывно связаны со всеми остальными направлениями. Благотворительность является также и евангельской проповедью, поскольку она свидетельствует о Христе. Это Он в Своем Евангелии засвидетельствовал о приближении Царства Божия и призвал в него имеющих уши, глаза и сердце. Это Он со Своими учениками благотворил нищим, калекам, изгоям этого мира, творя милость, приоткрывая для них дверь в чудный Свой свет. Мы же свидетельствуем о том, что стало нашим опытом, действительностью нашей жизни. Не каждый человек может сразу включиться в такую деятельность, и становится понятно, почему мы требуем в нашем уставе полной катехизации, того состояния души христианина, когда знания о Христе, знание Его Евангелия и Его Церкви становятся знаниями его сердца. Проникновение знаний в сердце составляет дело Божие, и именно с этого момента начинается свидетельство.

Сегодня христианское образование у нас представлено только огласительной школой, а также группами изучения Евангелия и церковнославянского языка. В дальнейшем это может перерасти и в иные формы образования взрослых и детей. Отдельно стоит вопрос подготовки оглашаемых, которые в сознательном возрасте подошли к крещению. Для них необходима специальная подготовка. Определенные опыт и наметки у нас имеются, и сейчас остановка за катехизаторами, которым можно доверить это ответственнейшее дело, а также катехуменами, которые должны появиться или которых нужно «найти».

По мере роста числа верующих, прошедших подготовку в огласительных школах, и появления среди них церковно образованных людей можно попытаться взять «под крыло» одну или несколько общеобразовательных школ для проведения факультативных занятий по Закону Божию в младших и средних классах и по библейской истории, истории церкви, катехизису — в старших. Возможны также чтение лекций и организация богословских курсов и семинаров. Жизнь покажет, в какой степени сегодня нам это под силу.

Сейчас, как и в прошлом, существует категория людей, измученных страданиями, озлобленных, и их число стремительно возрастает. Они услышат проповедь благовестия только одновременно с милосердием. Христианское милосердие — дело, требующее зрелости и опытности творящих. В таких случаях нужно умение получать необходимые средства и фонды, создавать условия для разумного хранения этих средств и, что, пожалуй, самое важное, правильно распределять полученное и сохраненное. Речь идет о приобретаемом во Христе и в Нем же раздаваемом. Если же что-либо сделано не так, то все — дело не истинно церковное и потому не полезное ни миру, ни нам, это еще одно проявление человеческих страстей.

Благотворить приятно, а иногда и выгодно, но это не есть дело Господне. Необходимо исследовать условия жизни тех, кому оказывается помощь, и подавать эту помощь так, как Господь творил милостыню и исцелял тех, кто действительно имел нужду и сколько-нибудь веры, чтобы Имя Божие прославлялось в мире. Мы можем оказывать помощь продуктами питания и одеждой многодетным и бедным семьям, одиноким старикам, калекам и бездомным. Можем помогать медикаментами и оказывать врачебную помощь надеющимся на Господа.

Особое место в нашей благотворительной деятельности должна занять психиатрическая больница. Кажется, что нет в мире более скорбного места! С телесным недугом человек может справиться или примириться, если дух не надломлен. Но что делать тем, у кого душа, разум поражены? У этих людей нет внутренней опоры, и только в помощи тех, кто понимает таких больных и обладает соответствующей силой, их единственная надежда. Сегодня больница бедствует без лекарств и оборудования. Мы можем, проявив определенные усилия, попытаться доставить самое необходимое оттуда, где это имеется. Для этого нужно вступать в очные и заочные контакты, убеждать и заинтересовывать людей и организации, которые могут оказаться полезными.

Благотворительная деятельность, понимаемая таким образом, чрезвычайно трудна, и на этом пути делателей подстерегают опасности и соблазны, которые можно преодолеть абсолютной открытостью совершаемого, строжайшей организацией, внутренней дисциплиной, частым исповеданием помыслов и причащением.

В работе, связанной с распространением знаний по истории церкви и государства, возрождением духовной жизни православного народа, значительная роль принадлежит нашей собственной издательской деятельности. Братство издает журнал, где мы намерены публиковать малоизвестные, но важные для христианской жизни материалы, работы учебного характера, обзоры, полемические статьи, небольшие произведения художественной и церковной литературы.

Важную роль могла бы сыграть и газета, выходящая хотя бы один раз в две недели. В ней могли бы найти отражение текущие события церковной жизни, однако выпускать такую газету как бы между прочим нельзя, здесь нужен человек, который захочет и сможет посвятить себя этому всецело.

Возможно развитие и другой деятельности по распространению информации и научению чад Церкви, например, создание компьютерных книг и обучающих программ «Home applications» и, вероятно, многое другое.

Мы пытаемся также возродить производство традиционной церковной утвари.

Сейчас на Украине сложилась весьма тяжелая ситуация для Православной Церкви. Христианский опыт учит нас, что внутреннее состояние всегда определяет и внешнюю ситуацию. Во многих случаях неблагополучие говорит о неразрешенных внутренних проблемах. Когда речь идет о поддержке и защите святого Православия, может возникнуть вопрос: зачем, собственно, поддержка и от чего защищать истинную Церковь, которая есть Тело Христово и храм Святого Духа? Неужели же Дому Божию опасна хотя и враждебная, но все-таки человеческая деятельность, например, инославных миссионеров и государственных чиновников? Неужели Бог, сотворивший Небо и Землю и все, что в них, обитающий в Церкви и являющийся ее Главою, нуждается в защите от Своего же творения? Нет! Для Святой Церкви все это не может быть опасным. Возможно, мы выдумали, будто Церковь нуждается в защите, может быть, это нужно нам, чтобы оправдать свое существование? Вот этого-то нам скорее всего и не позволят утверждать. Нам скажут: «Нет, конечно, нуждается! Ее нужно защищать»

от инославных, и от враждебного государства, и от обнищания, и еще от многого другого». Святая Церковь связана с Творцом и Владыкой всех единым «кровообращением» и следует за Ним, взяв свой крест и неся на себе Его поношение. И нет для такой Церкви большей радости, чем самоосознание ее как Невесты Христовой. Что ей государство — колосс на глиняных ногах, который развалится вскоре? Что ей инославные — разве они обладают Истиной? Они прах и пепел, по ним пройдут ноги Владыки, устремляющегося уже, чтобы принять Свое Царство, приготовленное для Него от сотворения мира. Такую ее Сам Бог защищает, ибо она несомненно знает, что Христос воскрес, взошел на Небо и вновь грядет вскоре! Вот тут-то и становится понятным, кого в Церкви надо защищать, от кого и как. Делать это нужно, когда церковное тело больно — некоторые его члены, иногда даже очень многие, не во всем и не всегда желают следовать за Христом. Их паралич становится очевидным, когда они обращаются за защитой и поддержкой к сильным мира сего, потому что на Бога не надеются, а не надеются оттого, что уже ранее они отказали Ему в любви и покорности, раздробился камень веры и мощь благочестия иссякла, остались лишь ризы. Надо ли продолжать? Наверное, каждый может добавить к этим симптомам и свои собственные наблюдения.

Обличая, нужно лечиться и лечить. Вероятно, курс лечения будет долгим. Но другого выхода нет. Потребуется горькие лекарства. Придется говорить и творить правду. Это не так страшно — Бог есть Истина, Он обитает в Правде. Если любим Бога, то скажем о себе и о своих все, как есть. А когда скажем и сделаем все это, тогда забрезжит свет надежды на милость Божию. Может быть, Он по Своему человеколюбию неизреченному захочет сократить срок гнева Своего. Постараемся! Мы не одни — святые учителя и святители, столпы вселенского Православия Афанасие и Кирилле, архиепископы Александрийские, молитесь Бога о нас!

Протоиерей Всеволод Шпиллер: Тезисы о христианской семье-общине

Церковная жизнь

1. Существующие сегодня формы организации жизни церкви неудовлетворительны.

1.1. Переживание Церкви — главного явления принципиальной новизны и коренного обновления жизни христианина — чаще всего связывается с отвлеченным от действительности представлением о ней только как о мистическом теле. На вопрос каждого нового члена Церкви: где же она? покажите мне ее! приходится отвечать, подняв палец к небу. Человек может с этим смириться, но испытывать удовлетворение он не может и где-то в глубине души будет предполагать (может быть, и неосознанно), что его обманули. Если в памяти свежо воспоминание об апостольских посланиях, то крайне трудно перетолковать их в том смысле, что явление Церкви как реального исполнения жизни во Христе и со Христом только мистично и не может быть реальностью жизни, на которую можно было бы указать пальцем.

1.2. Сегодня практически отсутствуют христианские общества, члены которых были бы объединены не случайными и краткосрочными, а долговременными и непрерывными связями. Отсутствие таких обществ для очень многих верующих меняет представление о подлинном благочестии в направлении чисто внешних его проявлений. Единственное реально существующее христианское общество с не вполне четкими очертаниями и сравнительно слабыми и прерывистыми связями его членов — приход. Так как на приходах в их нынешнем виде отсутствует возможность глубокого, серьезного и разностороннего общения его членов (там для этого отсутствует почва), единственным возможным суждением о чем бы то ни было

благочестия является внешнее суждение о внешнем благочестии. Другой возможности нет, а отсюда и соответствующий стимул к проявлению лишь внешних признаков благочестия, что является в христианском смысле ложью или, по крайней мере, неполнотой.

1.3. Трудно себе представить какую бы то ни было форму проявления внешней активности христиан, берущую свое начало из прихода, которая могла бы породить переживание и понимание Церкви как единства всех членов во Христе. Эта деятельность на приходе всегда будет вынуждена оставаться частной, впрочем, и нигде не существует деятельности, общей для всех!

2. Подводя итог сказанному, мы хотели бы утверждать, что единственным путем переживания истинной природы Церкви как единства всех единоверцев во Христе и с Ним является путь переживания всеми ее членами жизни каждого члена одной общности, а не частная деятельность более или менее многочисленных групп. Формы общения христиан в такой общности должны:

не носить случайного характера;

быть непрерывными;

требовать проявления сущности благочестия.

3. Описание опыта жизни семьи-общины.

Формой общности, которая удовлетворяет сформулированным требованиям, является, по нашему мнению, христианская община-семья, где все члены хорошо знают и любят друг друга, глубоко переживают события частной и общей жизни, совместно осуществляя свой путь спасения.

Такая община не рассматривается как противопоставление приходской организации христианской жизни, а является базисным состоянием христианского общества и увенчивается евхаристическим богослужением на приходе.

Сейчас таких общин-семей в Киеве несколько, первая из них начала свой путь в 1980 г.

Содержание нашей общинно-семейной жизни не исчерпывается общими встречами. Обычно мы помогаем друг другу, входя в проблемы братьев и сестер, сопереживая их болезням, умножая взаимную любовь.

После богослужения в приходе мы встречаемся каждое воскресенье, а также в церковные, семейные и личные праздники, готовим общую трапезу.

После молитв и трапезы вносится Новый Завет, отрывок из которого прочитывается и истолковывается в соответствии с православной традицией. В ходе чтения могут подолгу обсуждаться взволновавшие нас вопросы.

После молитв по окончании чтения за чаем обсуждаются личные, семейные и общехристианские проблемы.

Иоаким Берлянд, председатель братства

Священник Георгий Блазма: Да светит свет ваш пред людьми...

Дневники, письма, воспоминания

Дело Божие всегда делалось множеством людей. Это были очень разные люди. Различно было и их служение, по-разному сложилась их прижизненная и посмертная судьба. Одни обрели мировую известность, о других знают лишь немногие, имена третьих помнит теперь один только Бог. Но все они, каждый в меру своих сил, способностей и возможностей, вносили в это великое дело свой вклад, и к каждому из них относятся слова Христа: «Вы — соль земли» (Мф 5: 13).

Об одной из частиц этой соли пойдет речь в предлагаемых записках. Кузьма Иванович Смирнов, затем инок Кирилл, к концу жизни — архимандрит Кирилл, на пороге смерти — схиархимандрит Косма, — так звали этого человека. Поскольку я знал его как о. Кирилла, в дальнейшем буду именовать его только так.

Должен признаться, чрезвычайно долго и неохотно приступал я к написанию воспоминаний об о. Кирилле, уступая лишь настойчивым просьбам архимандрита Виктора (Мамонтова), составителя жития о. Кирилла. На то у меня были веские причины.

И все-таки я пишу. Дело в том, что меня с о. Кириллом связывали несколько особые отношения. Я не был ни его коллегой по службе, ни его пасомым. Я был ремонтником-строителем, прорабом, снабженцем и рабочим в одном лице, выполнявшим в течение двух лет работы в Спасо-Преображенской пустыньке по заказу о. Кирилла. Это были последние два года его жизни. Мне приходилось подолгу жить в домике о. Кирилла, в соседней с ним комнате, обедать и ужинать вместе с ним. Может быть, мне из моего положения удалось заметить какие-то черты характера и особенности о. Кирилла, которые позволят немного дополнить образ старца, воссозданный в воспоминаниях других знавших его лиц. Если это окажется так, смогу считать, что мой скромный труд при всех его недостатках все же проделан не зря.

С каждым годом все меньше остается на свете людей, знавших о. Кирилла при жизни. Поэтому для тех, кто не видел его, начну свой рассказ с описания внешности о. Кирилла. Внешность его была на редкость обыденной, никак не вяжущейся в представлении большинства людей с высоким чином архимандрита, а тем более с образом старца, пользующегося огромным авторитетом среди народа и имеющего репутацию прозорливца. Это был человек очень маленького роста, щедушный, быстрый и легкий в движениях, что, впрочем, характерно для людей его комплекции. В нем не было даже намека на какую-то респектабельность или солидность. Под стать фигуре был и голос — слабенький тенорок, и одежда, всегда чистая, опрятная, но предельно дешевая и далеко не новая. Сразу было видно, что своей внешности этот человек не придает ни малейшего значения. Было бы только в пределах приличия — и достаточно.

Во всем этом совершенно заурядном облике была только одна необычная деталь — взгляд его маленьких светло-серых выцветших глаз. Взгляд этот я ощущаю на себе до сих пор. Никогда я не видел этот взгляд равнодушным, безразличным. На каждого человека о. Кирилл смотрел очень внимательно, с чувством глубокого уважения и интереса. Это был взгляд снизу вверх не только в буквальном, но и в переносном смысле.

Вероятно, это покажется странным — в глазах о. Кирилла мне виделось иногда какое-то

детское — именно детское — любопытство. Такими глазами ребенок, впервые попавший в зоопарк, смотрит на слона, о котором ему заранее известно, что это существо очень большое и хорошее. Так же и о. Кирилл был убежден, что в каждом человеке изначально заложено нечто большое и хорошее, и он, о. Кирилл, непременно должен это хорошее рассмотреть.

Одной из главных черт характера о. Кирилла была его постоянная и исключительно активная нацеленность на добро. Он непрерывно искал и находил возможность чем-нибудь помочь людям, сделать им что-нибудь приятное. Отсюда и эта постоянная внимательность во взгляде: что человеку требуется? что можно для него сделать?

Любимым занятием о. Кирилла было делать подарки, пусть хоть и незначительные. Люди, со всех концов приезжавшие в пустыньку, несли о. Кириллу кто что мог, от крупных денежных сумм до всякой мелочи, и он все это пускал в дальнейшее обращение. Я, например, получил от него в подарок скромную рясу, новые хромовые сапоги, перочинный ножик, брелок для ключей и монтажный пояс.

Много лет спустя после смерти о. Кирилла я узнал, что первым его послушанием на Валааме, откуда он начинал свой иноческий путь, было послушание гостиничное. Его обязанностью было размещать прибывающих в монастырь паломников и обеспечивать им максимум возможного комфорта. Мне кажется, именно это послушание как нельзя больше соответствовало натуре о. Кирилла. Любовь к этому послушанию он пронес через всю свою жизнь и сохранил до самых последних дней. Как он выполнял его, будучи уже глубоким старцем и архимандритом пустыньки, — тому я был свидетелем.

Ко времени, описываемому мной, пустынька и ее архимандрит приобрели известность уже далеко за пределами Латвии. Постоянно в пустыньке находились люди из самых различных точек страны, а в праздник их наезжало столько, что обеспечить всех ночлегом становилось весьма трудным делом. Этим каждый раз о. Кирилл занимался лично. После всенощной в канун праздника о. Кирилл, обычно ложившийся спать рано, бодрствовал до поздней ночи, обходя все монастырские помещения, где располагались приезжие. Кухонька, в которой я ночевал, находилась перед кельей о. Кирилла, так что все передвижения его между своей кельей и прочим миром проходили перед моими глазами. Финал был всегда одинаков. Перед тем, как вернуться окончательно на ночь к себе, о. Кирилл забирал свои подушки и одеяло и кому-то их относил...

Таково было отношение старца к земным потребностям людей. А каким оно было к их духовным запросам? На это мне ответить неизмеримо труднее. Беседы духовного наставника со своими подопечными происходят обычно один на один, а содержание их редко сообщается третьему лицу. Тем не менее одно я могу утверждать совершенно определенно: к своей все увеличивающейся славе святого человека и прозорливца о. Кирилл относился явно скептически. Однажды он мне пожаловался: «Вот, приехала одна женщина. Рассказала мне про свою жизнь с мужем и спрашивает: разводиться с ним или нет? А что я могу ответить? Что я, пророк, что ли?»

Эти слова весьма характерны для о. Кирилла. Он упорно не желал брать на себя навязываемую ему роль ясновидца и судьи. Поначалу мне казалось странным, что человек в его возрасте, в его положении, с его духовным опытом не пытается наставлять людей, учить их, как жить. По крайней мере, ни меня, ни тех, с кем в моем присутствии о. Кирилл беседовал, он наставлять не пытался. Будучи старцем-архимандритом, в душе он остался таким же простым, смиренным, ни на что не претендующим добрым парнем, каким он когда-то надел на себя подрясник послушника. И это дается далеко не каждому. Испытание властью и славой — самое тяжкое испытание. О. Кирилл на склоне лет выдержал это испытание в совершенстве, причем, как мне

кажется, без всякого труда и скорее всего даже не почувствовав. Было ли это результатом врожденного иммунитета или долгого непрерывного совершенствования — ведомо одному Богу.

Со временем я понял, что быть другим о. Кирилл просто не мог. Это была исключительно цельная натура, человек, раз и навсегда принявший определенную жизненную концепцию и всегда во всем этой концепции следовавший. Поэтому все его слова и поступки, даже малопонятные и странные на первый взгляд, при более внимательном рассмотрении оказывались совершенно логичными и единственно соответствующими его натуре. В определенной мере они даже были предсказуемы. О. Кирилл всегда говорил и делал только то, что соответствовало его принципам, и никогда не говорил и не делал ничего другого.

Попытаюсь изложить эти принципы в той части, в какой они касались его отношения к людям, и в той мере, в какой я их понимаю. Да простит меня о. Кирилл, если я в чем-то ошибусь. Эти принципы были столь же просты, сколь и всеобъемлющи. С одной стороны — это абсолютное смирение, сознание своего недостойнства, своей, так сказать, малости. С другой стороны — вера в презумпцию добра в человеке и в конечное торжество этого добра. В каждом человеке о. Кирилл видел прежде всего создание Божие, а раз так — значит, доброе начало в нем первично и в конце концов должно восторжествовать. Для этого нужно только одно — делать человеку добро. Это поступающее извне добро обязательно вступит во взаимодействие с добром, заложенным внутри человеческой души от Бога. Многократно умножаясь, именно добро станет определяющим человеческое бытие и принесет плод.

О. Кирилл не обладал ни большим образованием, ни даром проповедника, ни книжной мудростью. Но он обладал той особой, высшей мудростью, которая дается только тому, кто прожил долгую жизнь в единении с Богом и Евангелие воспринял сердцем. Той мудростью, о которой сказано: «Мудрость, сходящая свыше, во-первых, чиста, потом мирна, скромна, послушлива, полна милосердия и добрых плодов, беспристрастна и нелицемерна» (Иак 3: 17). О. Кирилл понимал, что человеку ничего нельзя навязывать, никуда нельзя его тащить силой. Человек до всего должен дойти сам. Можно и нужно лишь навести его на размышления.

О. Кирилл, этот, в сущности, «темный» монах (по своим анкетным данным), был человеком уникальной внутренней культуры, интеллигентом высшей пробы. В нем было сочетание глубокой веры, доброты и внутренней культуры. Только эти три составляющие, взятые вместе, способны создать полностью гармоничную, духовно совершенную личность.

Не знаю почему, но в известных мне жизнеописаниях православных церковных деятелей, как канонизированных, так и просто признанных авторитетами, третьей составляющей — внутренней культуре — уделяется очень мало внимания или не уделяется вовсе. Быть может, она предполагается как нечто само собой разумеющееся при наличии первых двух или считается чем-то второстепенным. А может быть, пренебрежительное отношение к ней и есть одна из причин, приведших русскую православную церковь к тому положению, в каком она находится ныне? Во всяком случае я убежден, что всякий человек, а тем более пастырь, при всех прочих великих достоинствах, без обладания внутренней культурой неизбежно несет на себе печать ущербности. И если меня спросят, что более всего кажется мне замечательным в о. Кирилле, я без колебания отвечу: душевная культура. Наверное, потому, что сейчас это самый большой дефицит. Возможно, именно она подсказала о. Кириллу тот путь служения людям, который был для него самым подходящим и давал наилучшие плоды. Это путь, указанный Христом в словах: «Да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (Мф 5: 16). Проповедь о. Кирилла была проповедью делом.

Целесообразно будет рассказать, как осуществлялись принципы о. Кирилла на практике, в

ходе нашей работы в пустыньке и в процессе общения с ним в связи с этой работой.

Пару лет назад мой старый товарищ, принимавший активное участие в восстановлении Данилова монастыря, рассказал мне о порядках, установленных для работавших там бригад, подчиненных монастырской администрации. За опоздание на работу более чем на 15 минут на первый раз следовало предупреждение, на второй — увольнение. При появлении на работе хотя бы однажды с видимыми признаками похмелья (не говоря уже о нетрезвом виде!) расчет выдавался немедленно. Курение категорически запрещалось на территории монастыря, даже на высоте, на лесах.

По отношению к Данилову монастырю пустынька была антимиром. Каждый из нас приезжал на работу, когда хотел и когда мог. Ведь мы почти все были связаны с гражданской работой и для пустыньки могли использовать только выходные и отпуск. Курение разрешалось всюду, кроме, естественно, храма. Часто, когда мы вечером сидели на открытой веранде домика о. Кирилла и нас особенно одолевали комары, этот бич пустыньки, о. Кирилл сам говорил нам: «А вы покурите — они и улетят».

Единственный вопрос, над которым о. Кирилл немного призадумался, — можно ли нам работать в праздники. Решение было такое: поскольку на гражданской работе работают и в эти дни, мы не должны работать только пока идет литургия. После нее — пожалуйста. Пост для нас был отменен на все дни. О. Кирилл, сам строгий постник и вообще чрезвычайно воздержанный и непритязательный в еде, сразу же решительно объявил, что рабочий человек без мяса не может. Его келейница мать Амвросия регулярно готовила для нас мясную пищу в дополнение к монастырским харчам. Колбаса была в запасе постоянно, равно как и водка. На этом последнем предмете необходимо остановиться особо.

Проблему пьянства, не первое тысячелетие стоящую перед человечеством, для нашего маленького коллектива о. Кирилл решил просто и гениально: он предоставил нам возможность пить столько, сколько мы хотим. Водка не только каждый раз подавалась к столу, но и постоянно стояла в количестве нескольких бутылок на полке в упоминавшейся мною кухне. В любое время мы могли пить по потребности, тарелка с закуской — хлебом, огурцом и колбасой — всегда была на столе. Но, представьте себе, никто из нас ни разу предоставленным нам правом не злоупотребил. Ибо здесь была та степень доверия к человеку, которую невозможно обмануть, не почувствовав себя свиньей в собственных глазах.

О. Кирилл сам постоянно следил, чтобы запас не оскудевал, и просил меня также своевременно сообщать, когда надо его восполнить. Он говорил: «Пиво расслабляет, водка укрепляет», хотя сам явно ни в том, ни в другом не был знатоком. Впрочем, когда в жаркий летний день я как-то высказался, что хорошо бы выпить пивка, оно было нам незамедлительно доставлено. О. Кирилл не ставил знака равенства между употреблением алкоголя и пьянством.

Поздней осенью, когда уже шел снег, а мы еще продолжали работу на фасадах, расход водки возрастал, но это уже была производственная необходимость: без регулярного подогрева изнутри мы попросту не смогли бы закончить работу. Продрогшие, а то и промокшие, мы приходили на кухню, выпивали по стопке, несколько минут отогревались и шли работать дальше. При этом каждый из нас так строго соблюдал допустимую норму, как, вероятно, не соблюдал ее больше нигде.

Оказывается, принцип доверия к людям не только прекрасен сам по себе, но и способен дать отличные практические результаты. Ремстройбригада пустыньки была единственной в моей жизни, в которой никто никогда не был пьян.

Завтракали мы обычно порознь, о. Кирилл в это время находился в церкви. За обедом мы собирались вместе, о. Кирилл часто обедал с нами. Обедали быстро, затем работали до темноты — нам ведь приходилось дорожить каждым часом, а за ужином собирались вновь, и тут уже о. Кирилл присутствовал каждый раз. Только за ужином мы могли расслабиться после долгого трудового дня и пообщаться друг с другом. Конечно же, о. Кирилл не мог упустить возможности участвовать в этом. На стол ставилась простая, но всегда вкусная и обильная закуска, наполнялись рюмки, до отхода ко сну еще оставалось достаточно времени, и мы спокойно обсуждали текущие дела, наши проблемы и вообще говорили о чем угодно.

О. Кирилла нельзя было назвать разговорчивым человеком, но и молчаливиком он не был. Все же он предпочитал слушать, а не говорить. О чем бы ни шла речь, он слушал всегда с интересом, не прерывая говорившего и лишь изредка задавая вопросы. Он никогда не пытался завладеть инициативой в разговоре, направить его в удобное для себя русло. О себе, о своей жизни о. Кирилл не говорил ничего или почти ничего, но на вопросы отвечал охотно, давая краткие и исчерпывающие ответы. Делал он это не из скрытности, которой в нем не было, а просто из опасения, что его рассказ может быть нам неинтересен и мы будем вынуждены слушать его из вежливости, в ущерб тому, о чем хотели поговорить сами. Ведь мы были людьми другого поколения, из другого мира, и он, слушая нас, стремился на закате своих дней понять этот мир, из которого ему вскоре предстояло уйти. Он создавал обстановку, в которой каждый мог чувствовать себя совершенно свободно, естественно, быть самим собой.

За ужином о. Кирилл позволял себе одну маленькую роскошь: в стакан чая он вливал чайную ложечку бальзама и растягивал его на весь вечер, уверяя, что это очень полезное и целебное питье. Из-за стола вставал первым, оставляя нам возможность еще некоторое время посидеть и поговорить о том, о чем в его присутствии мы считали говорить неудобным.

В технических и хозяйственных вопросах, связанных с проводимыми нами работами, для о. Кирилла неизменно оставались главными принципы полного доверия и уважения к нам. Он никогда не приказывал, не выдвигал никаких обязательных требований или условий. Он только высказывал свои пожелания, то, что ему хотелось бы сделать, а мы говорили ему, насколько и в какие сроки возможно их выполнение. Я был для о. Кирилла авторитетом в ремонтно-строительном деле. Он всегда с вниманием выслушивал мои предложения и почти всегда с ними соглашался. В решение чисто технических вопросов он вообще не вмешивался и полностью полагался на меня.

Никогда я не слышал от него сетований на то, что мы сделали что-то не так или делаем слишком долго. Но мы со своей стороны работали с максимальной отдачей и настолько качественно, насколько нам позволяла наша квалификация. Убежден, что любой человек, имеющий хоть каплю совести, при таком отношении к нему не мог бы работать иначе.

Самый щекотливый вопрос — денежный — решался предельно просто. И здесь все основывалось на абсолютном доверии. О. Кирилл не только никогда не торговался, но и не спрашивал заранее о цене предстоящей работы. Если для приобретения материала мне требовался аванс, я тотчас получал нужную сумму. После доставки материала я называл о. Кириллу фактическую стоимость материала и транспорта, ни разу ее не завывсив, а он возмещал эту стоимость с большими процентами. Ни количество, ни качество материалов он не проверял. Это было всецело делом моей совести и компетентности.

Ни разу о. Кирилл не потребовал от меня ни единой расписки, счета, чека или какого-либо другого документа. Работы велись на пожертвования верующих, врученные ими лично о. Кириллу. Никакого документального оприходования этих денег не велось, поэтому не было нужды документально оформлять и их расход.

Когда речь заходила об оплате самой работы, я поступал хитрее. Я предлагал о. Кириллу самому оценить выполненную работу и заплатить нам столько, сколько он считал нужным. Надо ли говорить, что в прогаре мы никогда не оставались.

Таковы были условия, в которых мы жили и трудились в пустыньке благодаря о. Кириллу. Поистине это был антимир в сравнении с тем, где мы живем повседневно. Оказывается, и в таком антимире можно жить и работать не хуже.

Конечно, ни объем работ, выполненных нами в пустыньке, ни их стоимость не могут идти ни в какое сопоставление с Даниловым монастырем. Но возьму на себя смелость утверждать, что и производительность труда, и отдача на каждый затраченный рубль у нас была по меньшей мере не ниже, чем там. Главное же — это была радость подлинного свободного труда в неповторимой, уникальной духовной атмосфере, и я счастлив, что в моей жизни такой период был.

Заканчивая свое повествование, не могу не сказать еще об одной черте характера о. Кирилла, без которой его образ выглядел бы неполным.

Скромный, смиренный монах вроде о. Кирилла в представлении многих — это щепка, плывущая по течению, человек безвольный, не способный настоять на своем, всегда всем и во всем подчиняющийся. Знакомство с о. Кириллом полностью разрушает этот сложившийся стереотип.

В о. Кирилле глубочайшее смирение уживалось с поразительной твердостью и настойчивостью в достижении поставленной цели. Уже само его положение архимандрита пустыньки предопределяло неизбежность конфронтации с монастырским начальством. Будучи духовным руководителем, он не обладал административной властью. Настоятельницей пустыньки является игуменья Рижского монастыря, и все хозяйственные вопросы, в том числе и производство ремонтно-строительных работ, находятся в ее компетенции. Отчасти она может предоставить решение этих вопросов на усмотрение ею же назначенной старшей монахини пустыньки. На долю архимандрита остается только совершение богослужений и духовное окормление монашек. Вполне понятно, что главное внимание игуменья уделяла Рижскому монастырю и основную часть средств, имеющихся в ее распоряжении, расходовала на его содержание. Находящаяся на отшибе пустынька оставалась в положении бедной падчерицы. Между тем пустынька остро нуждалась в проведении хотя бы самых неотложных ремонтных работ. Эти работы о. Кирилл взялся вести за свой счет, не требуя от игуменьи ни копейки. Игуменья неоднократно предлагала ему передать деньги в ее руки, с тем чтобы работы в пустыньке велись под ее эгидой. Эти предложения о. Кирилл каждый раз решительно отвергал, заявляя, что деньги ему вручаются верующими с целевым назначением, именно на ремонт пустыньки, и должны быть истрачены только на это. У него были основания полагать, что, попав в руки игуменьи, они найдут другое применение. Само собой разумеется, что такая ситуация не способствовала улучшению отношений игуменьи и архимандрита, испортившихся гораздо ранее. О том, как это произошло, мне рассказал сам о. Кирилл.

В разгар хрущевского гонения на религию, на рубеже 50 — 60-х годов, власти решили закрыть Рижский монастырь. Его наиболее молодых и трудоспособных обитательниц предполагалось устроить на работу, а прочих отправить в пустыньку, подальше от людских глаз. В качестве некоторой компенсации было обещано построить в пустыньке водопровод, и даже трубы завезли для него.

В этих условиях монастырское руководство решило предпринять очень мудрый, с его точки зрения, ход — ликвидировать пустыньку. Таким образом отрезались пути к отступлению, и

можно было заявить властям, что монахиням просто некуда деваться. Ведь выделить сразу столько мест в доме для престарелых вряд ли было бы возможно, и на какое-то время ценою пустыньки удар от Рижского монастыря был бы отведен. Однако против этого плана категорически восстал о. Кирилл. Каким образом ему удалось выиграть сражение за пустыньку с такими могучими противниками, как игуменья и ее окружение, я не знаю. Об этом о. Кирилл не рассказывал. Но пустынька была сохранена, равно как и Рижский монастырь.

Заключительным штрихом к портрету о. Кирилла может послужить история моего совместного с ним участия в архиерейских богослужениях в пустыньке. Для этого мне придется начать издалека.

Наше первое знакомство с о. Кириллом состоялось очень давно, где-то в первой половине 50-х годов, когда он, еще игумен, служил, кажется, в Рижском монастыре, а затем некоторое время в Кемери. Я же был иподиаконом Кафедрального собора. Виделись мы всего несколько раз, а потом надолго потеряли друг друга из виду.

Встретились мы вновь в начале лета 1966 г., когда я по рекомендации о. Серафима Шенрока был приглашен о. Кириллом для работы в пустыньке. К тому времени он стал архимандритом, а я — заштатным священником. О. Кирилл встретил меня очень тепло, относился к моему сану с гораздо большим уважением, чем я сам, и всегда называл меня только о. Георгием.

Тем не менее его предложение принять участие в архиерейском богослужении, сделанное мне в преддверии Преображения, престольного праздника пустыньки, было для меня неожиданным. В ответ я выразил сомнение в том, что это возможно, и рассказал ему следующее.

Через некоторое время после моего ухода за штат (это произошло в мае 1960 г. в Орске Оренбургской епархии) и возвращения в Ригу аналогичное предложение я получил от своего друга протоиерея Бориса Денисова, в тот период епархиального секретаря и настоятеля Дзинтарской церкви Казанской иконы Божией Матери (впоследствии снесенной), и тоже перед престольным праздником. Я предложил о. Борису предварительно получить на это санкцию архиерея, но он ответил, что никаких возражений быть не может. Придя в храм перед началом богослужения, я все же не вошел в алтарь, а остался на клиросе и попросил о. Бориса испросить на мое сослужение разрешение архиерея. Через минуту он вернулся со смущенным видом и сообщил, что служить я не могу, так как ушел за штат из чужой епархии. Вот если бы из Рижской — тогда другое дело...

Все это о. Кирилл выслушал, как всегда, внимательно и коротко сказал: «Приезжайте и служите». Это было сказано обычным, ровным, спокойным голосом, но в его тоне было что-то, заставившее меня сразу же отбросить всякие сомнения.

Действительно, когда я появился в алтаре, архиерей воспринял это как должное, не сказав ни слова. А ведь это был тот самый епископ Никон, который за несколько лет до этого признал меня к служению непригодным!

С этого дня и до самой кончины о. Кирилла я принимал участие во всех архиерейских богослужениях в пустыньке, проводившихся епископом Никоном, затем архиепископом Алексием и, наконец, митрополитом, в то время архиепископом, Леонидом. Каждый раз о. Кирилл заранее извещал меня о предстоящем архиерейском богослужении (все три архиерея очень любили служить в пустыньке) и выражал уверенность, что я непременно буду. Мало того, он за каждую службу давал мне деньги — «на дорогу», как он говорил. Ему доставляло какое-то особенное удовольствие видеть человека, обычно разгуливавшего по пустыньке в

малырной робе, с монтажной цепью через плечо, стоящим в иерейском облачении у престола. О. Кирилл без слов дал мне понять, что в какой бы одежде я ни был, какой бы работой ни занимался, благодать священства остается при мне, с ней я должен считаться и обязан ее уважать. Он вообще очень многое умел объяснить человеку без слов, и так, как мало кто умеет объяснить словами.

Однажды я спросил о. Кирилла, как он относится к тому, что я, священник по сану, работаю как ремонтник-строитель. О. Кирилл на пару секунд задумался, как всегда в таких случаях слегка склонив голову и подперев подбородок кулачком, а потом ответил: «Литургию может отслужить каждый, а на купол залезет не каждый». С тех пор во мне появилось убеждение, что я не погибну, сорвавшись с высоты, ни на работе, ни в горных походах.

Каким образом удалось о. Кириллу воздействовать на трех архиереев, добившись для меня права священнослужения, — не знаю. Знаю только, что мое участие в богослужениях доставляло им серьезные неудобства, поскольку сразу же после смерти о. Кирилла мне было запрещено не только участвовать в службах, но и появляться в рясе при людях. Фактически это было лишением сана. На отпевании о. Кирилла я присутствовал уже как мирянин.

Могилка о. Кирилла — в нескольких шагах от храма, в котором он заканчивал свое земное служение. Над могилкой — простое надгробие, маленький невзрачный крест. После смерти тело о. Кирилла осталось в окружении той же скромной, дешевой и непритязательной обстановки, в которой оно находилось всегда. В годовщину его смерти — 28 июня — на этой могилке свечи и цветы.

Будет ли когда-нибудь о. Кирилл, а если уж быть точным, схииархимандрит Косма, причислен к лику святых? Мне это глубоко безразлично. Я всегда подозревал, что у Бога есть своя табель о рангах, которая может несколько отличаться от православных церковных святцев.

Душа о. Кирилла осталась с нами. Присутствие о. Кирилла в моей жизни я ощущаю постоянно. Так же, как и силу его молитвы.

О. Кирилл сделал главное в моей жизни — он восстановил во мне веру в Бога и в человека. Он показал мне великий и прекрасный мир, в который я, к сожалению, не попаду. Но я счастлив тем, что хотя бы издали смог этот мир увидеть. Я благодарен Богу за то, что в моей жизни был о. Кирилл.

И последнее, что мне хочется сказать, заканчивая свои записки. Я сознаю, что далеко не каждому они понравятся. Но я и не задавался целью полностью раскрыть образ о. Кирилла — это для человека невозможно, а тем более подогнать его под некий лубочный стереотип святого. Это не нужно. Я вижу перед собой о. Кирилла таким, каким он мне представился и каким я смог его воспринять. Пусть о каждом из нас остается некая тайна.

Я надеюсь, что о. Кирилл на меня не обидится. Я знаю, что в своих молитвах он поминает и меня.

6 августа 1989 г.

Протоиерей Всеволод Шпиллер:

Программа занятий в воскресной школе при храме Успения Пресвятой Богородицы в Печатниках

Христианское образование и воспитание

Пояснения

Программа занятий с детьми в возрасте 5-14 лет является частью систематических и преемственных занятий с детьми и взрослыми в приходе храма Успения Пресвятой Богородицы в Печатниках. Она опирается на Рекомендации по организации учебного процесса в православной воскресной школе (Журнал Московской Патриархии, 1991, № 18, с. 51-54, а также журнал «Православная община», 1992, № 5, с. 53-64), Сборник учебных программ (Закон и заповеди Божии. М., 1992), использует практический опыт работы за последние годы в соответствующих школах и служит основой еженедельных тематических занятий с детьми.

Главные направления духовного научения детей («Правило добра», «Молитвенное правило», «Канон книг», «Правило личной жизни в Церкви») раскрываются не только на тематических занятиях в классе, но и в сочетании с посещениями других приходов, паломничествами в монастыри, поездками на природу, экскурсиями в музеи и на выставки, домашними и общешкольными праздниками, занятиями прикладным творчеством, пением, физической культурой, а также при участии в делах милосердия, благотворительности и просвещения, в посильных детских служениях, в участии в богослужениях.

Предполагается, что основные общеизвестные понятия церковной христианской жизни ребенок усваивает и закрепляет в процессе приобретения собственного опыта церковной жизни, имея в своем окружении старших наставников, родителей и сверстников, живущих в вере и Церкви. Поэтому главное внимание уделяется попытке заложить основы общего мировоззрения ребенка, помочь преодолеть те трудности, которые ослабляют его детскую незрелую веру, вызвать в нем желание жить по вере, привить интерес к чтению и изучению Священного писания и церковного предания.

Занятия с детьми проводятся в разных возрастных группах: 5-6; 7-8; 9-11; 12-14 лет.

В начале учебного года предполагаются вводное занятие с продолжающими обучение и собеседование с новыми детьми с целью выяснить духовный настрой, возрастные и психологические особенности, уровень знаний и интересы детей, а также определить цели и задачи работы с ними на предстоящий год, составить на основе данной учебной программы индивидуальные программы групп, учитывающие также профессиональные знания и личный духовный опыт преподавателей. Каждый год происходит возвращение к основным темам и понятиям в соответствии с новыми возможностями ребенка.

В индивидуальной программе преподаватель подбирает соответствующие темам уроков чтения из Священного писания, рассказы, связанные с историей церкви, жизнью святых, отрывки для чтения или пересказа из произведений художественной литературы.

Для групп, состоящих из воцерковленных детей, в общие темы дополнительно включаются сведения о текущих праздниках богослужебного года, в которых они участвуют, разучивание церковных молитв посильно их возрасту и восприятию, элементы иконографии и

церковнославянский язык.

Программа имеет ряд приложений.

Приложение 1. Литература для преподавателей.

Приложение 2. Общая модель организации работы в воскресной школе.

Приложение 3. Примеры отдельных уроков по индивидуальным программам.

Приложение 4. Практика игровых приемов на занятиях в воскресной школе для разных возрастных групп.

Приложение 5. Сценарии детских праздников (Рождество, Пасха, Сретение, Благовещение).

Маргарита Белотелова Часть первая

Цель Помочь детям замечать красоту и разумное устройство окружающего мира, утвердить понятие о Боге как о Творце мира. Учиться благодарному и бережному отношению ко всему творению. Помочь ребенку вступать в живые отношения с Богом, миром, людьми. Пробудить любовь к Иисусу Христу рассказами о Его любви к людям. Научить первым навыкам молитвы. Подготовить к участию в церковных таинствах.

Формы проведения классных уроков Рассказ, чтение, беседа, слайд-фильм, изобразительное творчество, инсценирование прочитанных сюжетов, игры, пение, прослушивание музыки.

Общие рекомендации В младших группах еженедельный урок чаще рассматривается как самостоятельное занятие, не связанное с предыдущим в силу особенностей восприятия детей этого возраста.

Форма урока должна позволять ребенку проявлять двигательную активность. Например, повествование сопровождается жестами и звуками, дети могут их повторять, подражать движениями, прикасаться к предметам, иллюстрирующим рассказ, или полностью инсценировать услышанный сюжет (игровое, кукольное, рисованное воспроизведение). Творческая работа продолжается в процессе рисования, лепки, в реализации возможности что-либо смастерить. Хороши простые игры с пением и разыгрыванием ролей, исключая соревнования и не требующие сложных правил.

Повествования из Священного писания предлагаются детям ради того впечатления, которое они могут произвести на душу ребенка.

Примеры из художественной литературы (рассказы, стихи, сказки с нравственным содержанием) могут быть использованы как помощь в раскрытии сюжетов Священного писания или как чтение, которое мы стремимся понять через пережитое в библейских рассказах.

Выбирая темы занятий, преподаватель может ориентироваться на определенные направления, формирующие область основных представлений ребенка в его отношениях с Богом и миром. С данными направлениями в программе связан выбор текстов Священного писания, с которыми хотелось бы познакомить детей этого возраста.

Следует иметь в виду, что событие первой исповеди для детей 6–7 лет, как уже причащающихся, так и только подготовленных к участию в таинствах, имеет исключительное

значение. Важно, чтобы ребенок, подготовленный к постоянному и сознательному причастию Тела и Крови Христовых, глубоко прочувствовал силу Любви Господней ко всем людям, радость прощения всех искренне кающихся и радость обетования: «Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем» (Ин 6:56).

Возможные направления тематических занятий¹. Красота и мудрость в окружающем мире.

Радость общения с животным и растительным миром, благодарное и бережное отношение ко всему живому.

Рукотворное и нерукотворное.

Познаваемое и непознаваемое человеком.

Видимое и невидимое в мире.

2. Понятие о Боге как о Творце. Мир — наш дом.

Рассказ о сотворении мира в той форме, в которой дети чувствовали бы, как Бог вложил в сотворенный мир возможность расти и развиваться. Благословение Божие Адаму и его жене. Мир — дар, который человек призван беречь и преображать.

3. Цикл уроков по древнерусской истории.

Смысл мировой священной истории — история спасения. Жертвенность во имя Христа и мира между людьми.

4. Знакомство с храмом.

Храм — Дом Божий (слайд-фильм); знакомство с храмом, церковной утварью и другими предметами, находящимися в храме; колокола и звоны, изготовление макетов и планов храмов.

5. Знакомство с иконой.

Икона — мир иной жизненной правды и смысла. Предание о первой иконе. История Владимирской, Казанской и других икон Божией Матери. Паломничества к ним. Житийные иконы.

6. Понятие о богослужении.

Церковное богослужение — соборное общение с Богом в любви к Богу и друг к другу. Первые понятия о литургии.

7. Об именах и небесных покровителях. Жития святых.

Значение имени. Наречение имен всему живому Адамом. Как Господь открывал Свое имя избранному народу. О святости. Знакомство с житием прп. Сергия Радонежского (паломничество в Радонеж и Троице-Сергиеву Лавру), прп. Серафима Саровского, вмцц. Екатерины, Варвары, свт. Николая, архиеп. Мирликийского, блгв. кн. Бориса и Глеба и других. Демонстрация житийных сюжетов в доступной и интересной для детей форме.

8. Молитва — обращение к Богу.

Тексты из Нового Завета: о молитве Господней; молитва мытаря и фарисея, гефсиманская

молитва.

Тексты из Ветхого Завета: молитва Соломона при вступлении на царский престол, рассказ о пророке Ионе как пример того, что не всегда то, что нам хочется, совпадает с тем, что хочет Бог; о силе молитвы, исцелившей больного вопреки тому, что возвестил пророк (молитва царя Езекии).

9. Послушание и своеволие.

Тексты из Нового Завета: рассказ о двух сыновьях, посланных работать в виноградник; рассказ о 12-летнем отроке Иисусе в храме, причина Его «непослушания» Матери и Иосифу; Мария и Иосиф.

Тексты из Ветхого Завета: рассказ о грехопадении как отдалении человека от Бога; Вавилонское столпотворение; призвание Авраама; как Валаам учился правде у своей ослицы.

10. Стремление человека к Добру и Истине, к Богу. Верность Бога человеку. Рождественский цикл.

Тексты из Нового Завета: рассказ о пришествии в мир Спасителя.

Тексты из Ветхого Завета: примеры жизни ветхозаветных праведников.

11. Любовь и забота в семье, конфликты. Роль семьи в сохранении Божьего благословения народу.

Тексты из Нового Завета: рассказы из жизни Пресвятой Богородицы. Детство Иисуса Христа. Сретение. Бегство в Египет. Жизнь семьи в Назарете.

Тексты из Ветхого Завета: повествование о Ное; обетование Аврааму; Исаак и его сыновья; история Иосифа; рассказы о Товите и сыне его Товии.

Примеры из жизни русских святых: отношения с родителями прп. Сергия Радонежского и прп. Серафима Саровского с матерью.

12. Милосердие, сострадание и бережное отношение к людям и всему живому.

Тексты из Нового Завета: о милосердном самарянине; умножение радости претворением воды в вино на браке в Кане Галилейской; чудо над хлебами; воскрешение единственного сына вдовы в Наине и дочери Иaira.

Тексты из Ветхого Завета: как Авраам помогал племяннику Лоту; воскрешение сына вдовы пророком Илией; урок милосердия пророку Ионе.

13. Добро и зло в мире. О благах земных и небесных.

Тексты из Нового Завета: о милосердном царе и злом рабе; притча о богаче и нищем Лазаре; о богатом юноше; две лепты бедной вдовы; притча о рабочих в винограднике; притча о сеятеле.

Тексты из Ветхого Завета: Каин и Авель; города Содом и Гоморра; рассказы о царе Давиде; суд Соломона.

14. Трудолюбие. Господь каждому дает свой талант.

Тексты из Нового Завета: притча о талантах.

Тексты из Ветхого Завета: построение скинии; ветхозаветный храм; мудрость Соломона.

15. Господь и дети.

Тексты из Нового Завета: рассказ о мальчике, принесшем Христу свои рыбки и хлеб для насыщения толпы; благословение детей.

Тексты из Ветхого Завета: свидетельство маленькой девочки, приведшей к живому и истинному Богу военачальника Неемана.

16. Покаяние как возвращение к жизни, созданной и данной нам Богом, возвращение в Дом Отца.

Тексты из Нового Завета: притча о мытаре и фарисее; возвращение блудного сына.

Тексты из Ветхого Завета: покаяние ниневитян.

17. Искупительная и спасительная сила страдания. Пасхальный цикл.

Тексты из Нового Завета: притча о виноградаре, отдающем в жертву своего сына; рассказ о страданиях, смерти и Воскресении Иисуса Христа.

Тексты из Ветхого Завета: Авраам приносит в жертву Исаака.

18. О Вере.

Тексты из Нового Завета: Иисус и самарянка; вера хананеянки; притча о расслабленном; исцеление слепых; хождение по водам.

Тексты из Ветхого Завета: Моисей и медный змий; Илия и пророки Ваала.

19. О Божией помощи в минуты опасности.

Тексты из Нового Завета: укрощение бури; ангел освобождает апостолов из темницы.

Тексты из Ветхого Завета: три отрока в огненной печи; Даниил в львином рве; пророк Иона.

20. Богоявления. Премудрость Божия. Пресвятая Троица. Божество Святого Духа.

Тексты из Нового Завета: Крещение Иисуса; заповедь Спасителя о крещении; нагорная проповедь; Преображение; Пятидесятница.

Тексты из Ветхого Завета: явления Бога Моисею; дарование 10 заповедей еврейскому народу (без рассмотрения самих заповедей); явление трех ангелов Аврааму.

Часть вторая Первый год обучения (возможный начальный возраст 9–11 лет)

I тема. Бог — Творец мира и человека

1. Откуда человек узнает о Боге? (3 – 4 урока). 1.1. Величие и красота природы, ее законы свидетельствуют о Творце.

В природе человек видит образцы недостижимой красоты и мудрости. Все на свете движется, растет и умирает не по своей воле, а по законам, которые нельзя изменить. Радость общения с живой природой. Благодарное и бережное отношение к окружающему миру. Хорошо, если живописное место выбрано для прогулки там, где расположен храм.

Формы урока

Слайд-фильм с рассказом, сократическая беседа. Поездка на природу, игры, рисование, костер, знакомство с храмом.

1.2. Видимое и невидимое в мире.

Как мы познаем видимое и невидимое в мире? Господь Вездесущий невидим глазами, но мы видим Его дела и можем чувствовать Его сердцем.

Формы урока

Сократическая беседа, рисование на тему урока, рассказ.

1.3. Священное Писание и Священное Предание.

Бог открывает Себя через избранных Им людей: пророков, святых. Полнота и совершенство Божьего Откровения в Богочеловеке Иисусе Христе. «Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа» (Ин 17: 3). Полнота и совершенство Богопознания.

Формы урока

Рассказ, сократическая беседа, работа с иллюстрационным материалом.

2. Сотворение мира. Шестоднев (5 - 6 уроков).2.1. Первый день творения.

Источники нашего познания о сотворении мира. Библейское повествование и данные науки о творческом преобразовании первозданного вещества в «первый день» мира. Понятие «дня» в Библии.

Формы урока

Рассказ, чтение, сократическая беседа, рисование на тему творения «первого дня» на влажном листе двумя красками (синяя и желтая).

2.2. Второй, третий и четвертый дни творения.

Созидание мира творческим словом Божиим во второй, третий и четвертый дни по Библии и соответствующее познание природы человеком. «Спорные вопросы» (происхождение растений без солнца; почему Господь не просто повелевает быть растениям, а велит произвести их именно земле и т. п.).

Формы урока

Рассказ, сократическая беседа с использованием иллюстрационного материала, совместное рисование, аппликация на общем большом листе на тему урока.

2.3. Пятый и шестой дни творения.

Появление «души живой», благословение и повеление расти и размножаться по библейскому повествованию и исследованиям современных наук. Знакомство с разнообразием мира пернатых, рыб, животных по иллюстрационному материалу. Разговор о любимых животных. Орывки из житийных рассказов, посвященные особым отношениям человека и животного.

Один из уроков может быть посвящен знакомству с сопутствующими теме экспозициями выставок и музеев (зоологического, палеонтологического, биологического, минералогического, планетария и т. п.).

Формы урока

Рассказ, чтение, сократическая беседа, лепка из пластилина, глины, «литография» с использованием природного материала на тему урока.

2.4. Шестой день творения.

Приготовление к сотворению человека: всеобщий порядок видимого творения — постоянное восхождение к совершеннейшему. Сотворение Адама и его жены (библейский рассказ). Жизнь в раю. В чем искать образ Божий в человеке?

Формы урока

Рассказ, чтение, сократическая беседа, рисование на темы рая, портрет любимого человека и т. п.

2.5. Мир — дар, который человек призван беречь и преображать.

Каково Божественное побуждение к сотворению мира? Разнообразие растительного и животного мира, способность к развитию всего живого. Назначение человека в мире. Чувство его глубочайшей признательности Создателю. Творение мира — величайшая тайна, которую «верой уразумеваем».

Формы урока

Рассказ, чтение, сократическая беседа, слайд-фильм.

II тема. Завет (связь человека с Богом через верность Ему и данные Богом обетования) [2-4 урока]

1. Первый завет Бога и человека. Что такое завет? Закон? Примеры соглашений между людьми.

Первый доисторический завет Бога с Адамом. Грехопадение. Послушание. Каин и Авель. Покаяние.

Формы урока

Рассказ, чтение, сократическая беседа, рисование, лепка и конструирование на тему урока, раскрашивание рисунков с соответствующими сюжетами.

2. Верность Бога завету с человеком.

Начало истории человечества. Что нужно для того, чтобы люди жили по справедливости? Кто может принимать закон? Всякий завет Бога с человеком — завет жизни и мира. Верность. Заветы с Ноем, Авраамом и Моисеем. Чему учат 10 заповедей, которые даны Господом

еврейскому народу? Пророчества о Новом Завете.

III тема. Божественное промысление о спасении человека

[6-8 уроков]

1. Понятие церковного праздника. Пост как приготовление к событию праздника.

Что такое праздник? Какие бывают праздники? Церковные праздники — переживание великих событий евангельской и церковной истории, приобщение к вечности.

Понятие поста. Церковный пост — путь к истоку, открывающему истину воли Божией. Личные обязательства на время поста.

2. Бог — Спаситель мира. Событие Рождества Христова.

Бог возжелал Сам приблизиться к отпавшему от Него человеку так, чтобы тот, не утраиваясь Его, мог бы вновь свободно совершить свой выбор и вернуться к Богу.

Приготовление человечества к воплощению Христа Спасителя. Рассказ о Божией Матери, явившейся вершиной человеческого рода.

Великая ночь в истории рода человеческого. Величие любви Божией не связано со славой мира сего. Тайна воплощения.

Подготовка подарков, разучивание песен, стихов, репетиции спектакля к Рождеству Христову.

Детский праздник.

Формы урока

Рассказ, чтение, сократическая беседа, рисование на темы праздника: вифлеемская ночь и т. п., разыгрывание рождественских историй.

3. О жизни и учении Христа.

Детство Иисуса Христа. Сретение. Бегство в Египет. Жизнь в Назарете. Крещение.

Забота Иисуса Христа о людях (брак в Кане Галилейской, исцеление расслабленного, насыщение хлебами...).

Преображение Господне — явление Божественной славы и залог будущего прославления человека и всей твари.

IV тема. Прощение и открытость друг ко другу как начало пути к радости встречи Воскресения Христова и вступления в Церковь Божию [2-3 урока].

1. Семья. Нарушения любви в семье. Притча о блудном сыне. Всепрощающая любовь отца — образ любви Божией к людям. «Любовь все покрывает, всему верит, на все надеется, все переносит» [1 Кор 13: 7].

2. Наша готовность быть друг другу не чужими. Прощеное воскресенье. Великий пост.

Формы урока

Чтение, беседа.

V тема. Храм. Начальные понятия о богослужении [5-6 уроков]

1. Личная молитва.

Что такое молитва? — Разговор, беседа, обращение к Богу.

Каким отношениям между людьми близка беседа? — Общение отца и сына, старшего и младшего.

Почему мы обращаемся к старшим? Какие отношения при этом важны? — Доверие, любовь, внимание, благоговение.

Что означает глагол «молить»? Только ли с просьбой мы обращаемся к Богу? Какие еще чувства мы готовы выразить любящему нас? — Рассказы о своих мыслях, чувствах, нуждах, радостях, выражении своей любви.

Что важно в общении двоих? — Умение слушать и умение говорить. Всегда ли нам понятен ответ собеседника? Как услышать ответ Бога?

Господь видит и слышит нас везде, где бы мы ни находились. Важны ли время и место молитвы? Окружающая обстановка?

Подойти к понятию единства проявления чувств, ума и собственной воли в молитве; различению прошения, благодарения, покаяния, славословия; пониманию того, что не всегда наши желания совпадают с тем, что хочет Бог; что может быть место и время, когда особенно хорошо молиться Отцу Небесному.

Молитва своими словами.

Молитвы: «Господи, благослови!», «Господи, помилуй!», «Слава Богу!», «Господи, спаси и сохрани!».

Молитвы за родных и близких.

Молитва Господня.

Формы урока

Рассказ, чтение, сократическая беседа, изготовление своего детского молитвослова (оформление обложки, запись молитв, украшение текста орнаментом).

2. Соборная молитва. Храм.

В любящей семье дети часто собираются вместе вокруг отца. Отец радуется каждому приходящему ребенку и всем собравшимся. Господь также радуется общению с каждым из нас, но радуется и общему соборному общению с Ним всей семьи Его, всей Церкви. «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них».

Храм — место соборной молитвы.

Церковные богослужения — соборное общение с Богом в любви к Нему и друг к другу.

Храм (облик, устройство, убранство). Священнослужители и их облачения.

Формы урока

Рассказ, сократическая беседа, посещение храма.

3. Молитва и икона.

Событие Благовещения (рассказ о событии; сравнение икон и картин, посвященных ему).

Формы урока

Рассказ, работа с иллюстрационным материалом.

4. Богослужение и таинство.

Существование определенного хода и порядка в молитвенной жизни Церкви. Наличие главного и подготовительного в ней.

Все ли, что существует, мы можем увидеть? Что такое «тайна» и «таинство»?

Что означают для человека хлеб и вино? Какое значение имеет для нас пища?

Какие чудеса над хлебом и вином сотворил Христос?

Тайная Вечеря. Таинство Причащения.

5. Первые понятия о литургии.

Таинство преложения хлеба и вина в Тело и Кровь Господни совершается на литургии — самом важном богослужении христиан.

Объяснение слов «литургия» и «Евхаристия». Литургия — первая служба, которую начали совершать древние христиане по Воскресении Христовом на Пятидесятницу. Краткие исторические сведения о литургии. Основные части службы. Кто такие оглашаемые и что значит верные? Почему для совершения таинства в храм собираются только верные?

Формы урока

Рассказ, сократическая беседа, изобразительное творчество, участие в богослужении.

VI тема. Победа жизни [2–3 урока]

1. События от Входа Господня в Иерусалим до Воскресения Господня.

Тайна Воскресения Христа. Господь пришел спасти, одухотворить и изменить жизнь каждого из нас.

2. Явления Христа по Воскресении. Вознесение Господне и Сошествие Святого Духа на апостолов. Церковь как врата вечной Жизни. Личный путь человека в Церкви.

Формы урока

Рассказ, сократическая беседа, изобразительное творчество, подготовка к празднику Пасхи.

Второй год обучения

I тема. Человек, Бог, мир [7-9 уроков]

1. Творческая деятельность человека.

Присущая человеку способность к творчеству. Мир — источник вдохновения и материальная основа для рукотворного. Закон творческого действия человека (сначала мысль, потом дело; сначала идея, потом ее воплощение; сначала созерцание, потом творчество).

Формы урока

Работа с наглядным материалом, рассказ, сократическая беседа, прослушивание музыки, литературное творчество, рисование, лепка, рукоделие.

2. Творение и творчество.

Слайды — параллели, примеры того, как существующее в природе может служить образцом для творческой деятельности человека. Сотворчество, содружество человека с природой. Каким можно представить себе человека-автора увиденного произведения? Кто Творец нерукотворного? Что можем мы о Нем узнать из Его творения?

Бог вызывает Свое творение из небытия. Творческое слово Божие. Божественная печать, отмечающая человеческое знание и искусство. Закон подлинного творчества. Значения библейского слова «сотворил» на древнееврейском языке.

Поездки, экскурсии по темам уроков.

Формы урока

Слайд-фильм, сократическая беседа.

3. Бог — Творец человеческой души.

Законы человеческой души. Проявления ее божественной природы. Сообразность Богу и призывание к богоуподоблению. Внутренние предпосылки для зла и греха в первоначальном человеке и сотворенном Богом мире. Свобода воли человека как проявление Любви Божией. Своеволие. Появление зла в мире. Бог зла не сотворил.

Формы урока

Слайд-фильм, рассказ, сократическая беседа, рисование.

4. Величие творений Господа.

Творение мира невидимого. Неживая материя. Появление жизни. Растительный и жи-вотный мир. Венец творения Божьего. Сравнение библейского повествования с тем, что говорит современная наука. Человек — посредник между Богом и миром.

Формы урока

Слайд-фильм о происхождении жизни на земле, беседа, рисование на общем листе на тему «Наш мир — Божие творение».

5. Бог — Отец, Вседержитель, Творец.

Проявляя неограниченную к нам любовь, Бог позволил именовать Его Отцом в молитвенном обращении к Нему. Своею всемогущею волею Он поддерживает существование сотворенного Им мира и всех порядков в нем. 1-й член Символа Веры.

Формы урока

Сократическая беседа, рассказ, изобразительное творчество.

II тема. Прославление Творца [2-3 урока]

1. Знакомство с Псалтирью.

Авторство Псалтири. Псалтирь — огромное живописное полотно жизни человека. Разбор отрывков псалмов, выражающих то, что волнует сердце верных Богу: скорбь по поводу беззаконий на земле, надежда на победу света над тьмой, раскаяние в личных грехах, жажда спасения свыше.

Формы урока

Рассказ, чтение, рисование.

2. История творения мира в богослужении.

Чтение и разбор 103 псалма. Отрывки из псалмов, используемых в вечернем богослужении.

Участие детей в вечерней службе в храме.

Формы урока

Чтение, рассказ, прослушивание магнитофонных записей отдельных частей вечернего богослужения, подготовка к чтению и пению в храме.

III тема. Близость Бога [4-6 уроков]

1. Общение с Богом в единодушном предстоянии «неразделенным умом, неразделенным сердцем и неразделенной волей».

Углубление понятий о молитве и посте. Чин молитвы на примере Псалтири. Сочетание молитвы своими словами с канонической молитвой. Молитвенное правило. Личные обязательства на время Рождественского поста.

Формы урока

Рассказ, беседа, прослушивание записей богослужебных молитв.

2. Откровение и познание Богоявления в мире.

Главные события из жизни Спасителя и Божией Матери (из известного по прошлому году). Рождество Божией Матери. Введение во храм. Благовещение. Рождество Христово. Детство Иисуса Христа. Сретение. Бегство в Египет. Жизнь семьи в Назарете. Крещение Иисуса Христа.

Формы урока

Рассматривание детской иллюстрированной Библии, рассказ, чтение, рисование.

3. Рождество Христово.

Подготовка рождественской мистерии как новое переживание события Рождества и углубление понятия церковного праздника. Приготовление праздничных подарков.

Детский праздник.

Формы урока

Чтение рождественских рассказов, инсценирование, разучивание песен, стихов, изобразительное творчество.

IV тема. Любовь Бога, избавляющая человека от зла и одаривающая полнотою всякого блага — призыв к нашему милосердию, надежде, вере и любви [5–7 уроков]

1. О нравственном учении Нового Завета в сравнении с ветхозаветным учением.

Вспомнить, что такое завет (первый год обучения, тема II). Законо-договорное равенство ветхозаветного человека с Богом. Во всяком законе, который от Бога, есть добро. Закон совести. Заповеди о любви к Богу и ближнему в законе Моисея. Евангельская преемственность закона: «Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними» (Мф 7: 12).

Смысл закона в Новом Завете. Жизнь Иисуса Христа на земле — исполнение закона и пророков.

Формы урока

Рассказ, беседа, изобразительное творчество.

2. Призыв Христа к любви примерами любви.

Любовь — свободное чувство, к которому можно только призывать. Чудо в Кане Галилейской — умножение радости; изгнание бесов, исцеление больных, воскрешение мертвых — избавление от страданий и смертных последствий греха; чудеса над природой — явление Любви, восстанавливающей утраченную по грехопадению власть человека над стихиями.

Таинство Церкви — продолжающееся Христово чудотворение.

3. Добродетели — дары Бога человеку.

«Всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше, от Отца светов» (Иак 1: 17).

Вера. Надежда. Знание. Мудрость. Честность. Смирение. Послушание. Терпение. Бесстрашие. Верность. Самообладание. Доброта. Благодарность.

4. Стремление к Царству Божию.

Царство Небесное и зарождение его в сердце человека [сокровища, скрытые на поле (Мф 13: 44), драгоценная жемчужина (Мф 13: 45); дом, построенный на камне (Мф 7: 24); притчи о зерне горчичном (Мф 13: 44; Мк 4: 31), о закваске (Мф 13: 33), «пустите детей приходите ко Мне» (Мк 10: 14), заповеди блаженства (Мф 5: 3)].

Верность Богу [о неправедном домоправителе (Лк 16: 1)].

Деятельная любовь к ближнему [Мф 25: 32; о св. докторе Гаазе, о прмц. великой княгине Елизавете Федоровне и о матери Марии (Скобцовой)].

Неосуждение [о сучке и бревне (Мф 7: 3; Лк 6: 41)].

Прощение ближнего (Мф 18: 21).

Покаяние [притча о блудном сыне (Лк 15: 11-32)].

Сострадательная любовь [притча о Страшном Суде (Мф 25: 31-46)].

5. Поминовение усопших. Родительские субботы.

V тема. Соборное служение Богу [3-4 урока]

1. Храм — напоминание человеку о его высочайшем призвании.

Форма урока

Слайд-фильм.

2. Суточный круг богослужения. Отрывки из псалмов, часто используемых в богослужении. Литургия. Ее основные части. Главное в каждой из них.

Форма урока

Рассказ, чтение, знакомство со специальной литературой.

3. Икона — форма выражения внутренней гармонии человека, примиренного с Богом, с самим собой и с миром.

Форма урока

Слайд-фильм.

VI тема. Вера христиан и ее исповедание [2-4 урока]

1. Жизнь Спасителя. Христос — Богочеловек.

2-7 члены Символа Веры.

Форма урока

Слайд-фильм.

2. Проповедь апостолов. Жизнь первых христиан. 8-12 члены Символа Веры.

Форма урока

Рассказ, чтение, обобщение основных понятий по темам года, находящих выражение в Символе Веры, «викторина» из вопросов, помогающих раскрыть содержание Символа Веры.

Третий год обучения

I тема. Образ истории [4-5 уроков]

1. Что такое история?

Понятие истории, перевод слова «история». История как рассказ о прошлом событии. Можем ли мы сразу объяснить событие, когда его видим? С какими историями мы знакомы?

(Составить рассказ о жизни своей группы, иллюстрируя его выполненными на уроке рисунками, принесенными фотографиями, стихами, песнями. Использовать летописи «поселений» в летних лагерях воскресной школы.)

2. Мифопоэтический язык Библии.

Чем отличается сказка от рассказа? Как описана жизнь в сказке? Что такое басня? В чем ее смысл? Сколько «живут» сказки и басни? Сказка и басня — пример притч. Почему мы используем притчи? Пример царя Давида и пророка Нафана (2 Цар гл. 12).

(Сочинить сказку и выполнить иллюстрации к ней.)

Что такое поэтический язык? Чем он отличается от обычного? Всегда ли бывает в поэтическом тексте рифма? ритм? Пример поэтического текста (Притчи Соломоновы (8: 22-31); С.С. Аверинцев. Стих о святой Варваре. Новый мир. 1989, № 10, с. 151.) Как рождается поэтический текст? Что такое вдохновение? Его источники. Всегда ли за откровенным и основанным на видениях может стоять Божественное откровение? Какому человеку оно доступно?

Божественное откровение о сотворении мира и человека. Как меняются научные представления о мире? Почему не стареет библейская картина мира? Сколько ей лет? Поэтический параллелизм в описании дней творения. Смысл сотворения мира. Начало творения.

(Рисование на темы образов творения мира.)

3. Священная история.

Начало истории человечества. Священная история — накопленный человечеством опыт Божественного откровения. Вспомнить, о каких историях уже говорили (1-й урок). Никакая история не может быть отдельной. Центром мировой истории является история спасения и отношений мира и человека с Богом.

II тема. История как ожидание Спасителя в Ветхом Завете

[6-8 уроков]

1. Неиссякаемая жажда прощения и освобождения человечества от зла и греха.

Зло в сотворенном Богом мире. Потоп и Вавилонская башня. Послушание Ноя. Нить поколений, верных Богу.

2. Отец верующих.

Авраам и его верность Богу. Божие обетование патриарху и его потомкам. Сохранение обетования. Исаак и его сыновья. История Иосифа.

3. Дарование закона народу Божьему для ограничения возраставшего в мире зла.

Моисей. Его жизнь в Египте. Явление Бога в Неопалимой купине. Исход израильтян из Египта. Сорокалетнее путешествие по пустыне. Построение скинии. Дарование десяти заповедей.

4. Времена пророков.

Любовь к Богу царя Давида. Мудрость царя Соломона.

Суть служения пророков. Надежда на Бога и Его спасение через Спасителя мира — Мессию.

Пророки: Исая, Иеремия, Иона, Илия, Елисей, Даниил.

5. Иудея во время рождения Иисуса Христа.

Географические и исторические сведения.

(Рассказ, беседа, слайд-фильмы, построенные на ассоциативном восприятии и с использованием изображений ветхозаветных сюжетов в картинах классиков; изобразительное творчество на тему услышанного с желанием представить себя в этой ситуации; с помощью преподавателя составляется самодельная карта, на которой отмечаются места всех происходящих событий.)

III тема. История как Богооткровение в Новом Завете

[17-20 уроков]

1. Богоявление во Христе.

Рождество Богородицы. Введение во Храм. Благовещение. Свидание Марии и Елисаветы.

Рождество Христово.

Сретение Господне. Бегство святого семейства в Египет. Избиение младенцев. Возвращение в Назарет. Путешествие в Иерусалим.

Иоанн Креститель. Рождество св. Иоанна Предтечи, его жизнь, его проповедь.

Крещение Иисуса Христа.

Искушение Господа в пустыне.

2. Благовестнический этап жизни Иисуса — Сына Человеческого и Сына Божия.

Первая проповедь в Назарете.

Призвание первых учеников. Избрание 12 и 70 апостолов.

Нагорная проповедь.

Молитва Господня. Учение о Царствии Божиим.

Отношение к Богу и к ближнему.

Чудеса Христовы.

Исповедание веры апостолом Петром. Преображение Господне.

Предсказание о гибели Иерусалима и конце мира. Притча о 10 девах. Учение Иисуса Христа о Страшном Суде.

Воскрешение Лазаря. Совещание первосвященников и фарисеев.

3. Искупительные страдания и смерть Господа. Воскресение и Вознесение Христово.

Вход Господень в Иерусалим. Проклятие смоковницы. Изгнание торгующих из храма.

Тайная Вечеря. Предательство Иуды.

Ночь в Гефсимании.

Суд над Иисусом Христом.

Распятие и смерть Спасителя.

Снятие тела Господня со креста и охрана гроба.

Воскресение Христово.

Явление воскресшего Спасителя.

Вознесение Его на небо.

Одновременно с занятиями по теме III ведется подготовка к празднованию Рождества, а также рассматриваются темы IV и V.

IV тема. Прощение в Ветхом Завете. Прощение грехов — великий дар человеку Нового Завета [1-2 урока]

Покаяние как возвращение к жизни, созданной и данной нам Богом. Ветхозаветные и новозаветные примеры покаяния.

«Кому простите грехи, тому простятся» [Ин 20: 23]. Таинство покаяния.

Исповедь и подготовка к ней.

О молитве.

Молитва св. Ефрема Сирина.

V тема. История богослужения и его особенности [6-8 уроков]

1. История храма и богослужения.

Первый храм Божий — сотворенный мир. Предназначение человека — искать Бога и пребывать в общении с Ним. Грехопадение разрушило постоянную связь человека с Богом. Эпоха поиска Бога и встречи с Ним.

Построение храма — проявление не только человеческой, но и Божией воли. Скиния собрания Моисея. Освящение новой скинии. Ее устройство. Богослужение в ней. Ковчег завета Божия в Иерусалиме во времена царствования Давида. Храм Соломона. Устройство ветхозаветного храма (Святая Святых, святое, притвор. Дворы: священнический, израильян, женщин,

язычников). Назначение храма. Исчезновение ковчега завета. «Ковчег» Нового Завета. Человек — храм Божий.

Первые собрания христиан.

Порядок богослужений.

2. События ветхозаветной и новозаветной истории в росписях храмов.

[Экскурсии в храмы.]

3. События ветхозаветной истории в вечернем богослужении, ирмосах и тропарях канона утрени; евангельские повествования, ставшие известными «песнями» богослужения.

4. Понятие о ектении.

5. Литургия: ее вечный смысл, части литургии.

6. Понятие о годовом круге богослужения, седмичном и суточном круге.

VI тема. Начало истории Церкви [4-6 уроков]

1. Начало Церкви земной.

2. Богослужения первых веков.

3. Гонения на христиан.

4. Отцы и защитники веры. История Церкви — история ее святости.

5. Некоторые понятия об устройстве Церкви (преемство во времени, единство поместное и в современном мире).

6. Церковь земная и небесная.

Четвертый год обучения

I тема. Введение в Предание [1-2 урока]

Озарение и опыт. Что такое откровение? Что нужно для того, чтобы один человек открылся другому? Какие бывают откровения? Как человек получает знание чего-либо? Чему оно служит?

Какому человеку доступно Божественное откровение? Почему Богопознание возможно только человеку?

Священное Предание и Священное Писание — накопленный человечеством опыт Божественного откровения и Богопознания. Завершен ли этот опыт? Что означают слова А. Хомякова: «Только тот может понять пророка, кто сам пророк»?

Что священного передано нам другими людьми?

— Священное писание Церкви — Библия;

— догматические постановления Вселенских Соборов, таинства Церкви, канонические

постановления, творения святых отцов, их жития, богословские труды и проповеди;

— богослужебные тексты и обряды;

— церковное искусство.

Неравноценность церковного предания, его согласие с живым опытом Церкви.

II тема. Библия — Слово Божие [16-18 уроков]

1. История создания. Библия в современном мире (различные издания, переводы, тиражи).

2. Книги Нового Завета (Четвероевангелие. Деяния святых апостолов. Апостольские послания. Откровение святого Иоанна Богослова). Их история и краткая характеристика.

3. Книги Ветхого Завета (законоположительные, исторические, учительные и пророческие) — преддверие пришествия Христа.

4. Чтение Библии.

Чтения из книг Нового Завета (субботние, воскресные, праздничные — в соответствии с годовым кругом). Анализ и понимание смысла прочитанного, связь чтения с сегодняшней жизнью, личными проблемами.

Навык чтения на церковнославянском языке и перевод на русский язык.

Регулярное домашнее чтение ветхозаветных книг (по Библии, пересказанной для детей старшего возраста) в следующем порядке:

1) учительные книги (как помощь человеку в уразумении повиновения заповедям Божиим, прославлении Бога и пути к молитве Ему);

2) законоположительные книги (как величественная, замечательная картина происхождения земли и вселенной и история развития древнего мира, быта, характера и верований древних людей, особенных отношений, установленных между Богом и избранным народом);

3) пророческие книги (как проповедь верности Единому Творцу, предсказания о пришествии на землю Искупителя мира — Христа и о грядущих судьбах человечества и мира).

Ответы на вопросы по прочитанному. Попытка разобрать и увязать тексты с Новым заветом с целью раскрыть смысл ветхозаветных чтений через Новый завет и осмыслить последний через Ветхий завет. Помочь детям самим устанавливать связь текстов Священного писания. Познакомить со справочной литературой.

III тема. Истина. Порядок. Правило. Чин [6-7 уроков]

1. Понятие о догматическом учении Церкви. Постановления Вселенских соборов. Догматы Православной церкви.

2. Освящающий смысл таинств.

Понятие таинства. Церковное таинство. Таинство и магическое действие. Непонимание смысла таинства лишает человека участия в нем. Краткое объяснение семи таинств. Значение таинств в собственной жизни.

3. Каноны.

Понятие о церковном каноническом праве. Смысл и формы канона с развитием церковной традиции. Правило, запрещающее торговлю Таинствами церкви.

4. Жизнь святых — свидетельство подлинности христианского Евангелия.

Святые отцы церкви. Святоотеческое учение. Характер подвигов святых. Избранные жития.

5. Богослужение общественное и частное. Круг богослужения (суточный, недельный, годовой).

Обычный круг служб церковного богослужения.

Богослужения дня. Общий смысл и объяснение. Знание терминов (тропарь, кондак, ектения, паримия, кафизма, полиелей и т. п.).

Недельный круг. Пение отдельных гласов.

Цикличность времени и неповторяемость. Новолетие. Начало церковного года. Богослужения года. Посты. Дванадесятые праздники.

Понятие частного богослужения.

6. Богослужебные тексты в церковной практике.

Происхождение богослужебных текстов и песнопений. Их авторы.

Молитвенное правило. Понуждение к молитве.

Молебны. Панихида.

Богослужебные книги.

Богословие иконы, ее связь с богослужением.

Акафист как пример церковной гимнографии.

IV тема. Церковь — собрание призванных, избранных от мира

[5-6 уроков]

1. Евхаристия как Таинство. Последование богослужения.

2. Великие святые I века.

3. История гонений на христиан. Смысл мученичества.

4. Монашество. Иночество. Иночество в миру. Иноческие общины мирян. Миссионерство.

5. Служение мирян в церкви

Афанасий Фет: Стихи

Поэзия

Нельзя

Заря. Сияет край востока,
Прорвался луч — и все горит,
И все, что видимо для ока,
Земного путника манит.
Но голубого неба своды
Покрыли бледностью лучи,
И звезд живые хороводы
К нам только выступят в ночи.
В движеньи, в блеске жизни дольной
Не сходит свыше благодать:
Нельзя в смятенности невольной
Красы небесной созерцать.
Нельзя с безбрежностью творенья
В чаду отыскивать родства,
И ночь и мрак уединенья —
Единый путь до божества.

1858

* * *

Не тем, Господь, могуч, непостижим
Ты пред моим мятущимся сознанием,
Что в звездный день Твой светлый серафим
Громадный шар зажег над мирозданьем
И мертвецу с пылающим лицом
Он повелел блюсти Твои законы,

Все пробуждать живительным лучом,
Храня свой пыл столетий миллионы.
Нет, Ты могуч и мне непостижим
Тем, что я сам, бессильный и мгновенный,
Ношу в груди, как оный серафим,
Огонь сильней и ярче всей вселенной.
Меж тем как я — добыча суеты,
Игралище ее непостоянства,—
Во мне он вечен, вездесущ, как Ты,
Ни времени не знает, ни пространства.

1879

* * *

Дух всюду сущий и единый.
Державин
Я потрясен, когда кругом
Гудят леса, грохочет гром
И в блеск огней гляжу я снизу,
Когда, испугом обуян,
На скалы мечет океан
Твою серебряную ризу.
Но, просветленный и немой,
Овеян властью неземной,
Стою не в этот миг тяжелый,
А в час, когда, как бы во сне,
Твой светлый ангел шепчет мне
Неизреченные глаголы.
Я зажигаюсь и горю,
Я порываюсь и парю

В томленьях крайнего усилья

И верю сердцем, что растут

И тотчас в небо унесут

Меня раскинутые крылья.

29 августа 1885

Протоиерей Всеволод Шпиллер: О приеме в Свято-Филаретовскую московскую высшую православно-христианскую школу

Информация

Свято-Филаретовская московская высшая православно-христианская школа

— является высшим духовным учебным заведением, действующим по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, готовящим миссионеров и катехизаторов Православной Церкви;

— дает своим студентам подготовку в области Священного Писания, богословских и философских наук, истории Церкви, древних и современных языков, а также по ряду иных дисциплин.

Обучение в Высшей школе длится ШЕСТЬ лет и состоит из двух последовательных циклов.

В течение первых ТРЕХ лет обучения, происходящего на основе систематических курсов, лекций и семинарских занятий, студенты получают фундаментальную подготовку по основным предметам. Занятия проходят в вечернее время.

Основные дисциплины: первого курса — Ветхий Завет, катехетика и аскетика; второго курса — Новый Завет, богослужебная практика и литургика; третьего — история церкви, в том числе Русской Православной Церкви, и догматика. Завершается первый цикл письменной работой на получение ученой степени бакалавра.

В течение второго цикла, длящегося также ТРИ года, студенты углубляют и расширяют приобретенные знания, получают, в соответствии со своими желаниями и возможностями, определенную специализацию. Занятия проходят в форме лекций, семинаров, специальных курсов и факультативов, а также самостоятельной работы. На последнем, шестом, курсе студенты готовят дипломную работу или магистерскую диссертацию, которую представляют для защиты в одну из высших богословских школ (возможно зарубежных).

В Высшую школу принимаются православные христиане, не моложе 21 года, прошедшие цикл катехизации для взрослых, регулярно причащающиеся и представляющие себе цель своего прихода в школу.

Для поступления в Высшую школу необходимо представить следующие документы:

1. Прошение о приеме на имя ректора священника Георгия Кочеткова, анкету (заполняется при сдаче документов) и автобиографию.
2. Письменную рекомендацию, подтверждающую также прохождение полного оглашения (желательно от священника). В случае необходимости может быть затребована характеристика от духовника (или другого духовного попечителя).
3. Копию аттестата о полном среднем или диплома о среднем специальном или высшем образовании.
4. Две фотографии.
5. Письменную работу на тему »Мой путь к Богу и в Церковь» (2-5 маш. стр.).

На основании представленных документов абитуриент допускается к письменному экзамену (изложение предложенного отрывка из Евангелия с письменной проповедью на ту же тему) и вступительному собеседованию.

Вступительное собеседование проводится с каждым абитуриентом индивидуально.

Для подготовки к вступительному собеседованию необходимо следующее:

1. Прочитать Новый завет полностью; из Ветхого завета — не менее: Бытие, Исход, Второзаконие, 1-4 книги Царств, Сирах, Премудрости и Притчи Соломона, Псалтирь, один из «больших» и два из «малых» пророков.
2. Знать основные особенности богослужений: вечерни, утрени, литургии, уметь пользоваться книгой «Всенощное бдение. Литургия».
3. Регулярно использовать Православный молитвослов. Знать наизусть молитвы по программе для поступающих в духовную семинарию:
 - а) начальные — «Слава, Тебе, Боже наш, слава Тебе», «Царю Небесный», «Святыи Боже», «Пресвятая Троице», «Отче наш», «Приидите, поклонимся».
 - б) утренние — «От сна встав», «Боже, очисти мя грешнаго», Ангелу хранителю.
 - в) вечерние — «Боже Вечный», «Вседержителю, Слово Отчее», «Благаго Царя благая Мати», Ангелу хранителю.
 - г) Божией Матери — «Богородице Дево, радуйся», «Достойно есть», «Взбранной Воеводе», «Милосердия двери», «Не имамы иныя помощи».
- Д: Символ веры, молитва св. Ефрема Сирина, молитвы пред святым причастием, заповеди Моисеевы, заповеди блаженства, тропари двенадцатых праздников, тропарь своему святому, псалмы 50 и 90.
4. Прочитать православные катехизисы свт. Филарета Московского или еп. Александра (Семенова-Тянь-Шанского). Выписать и твердо знать наизусть не менее 30 цитат из Священного писания, приведенных в катехизисе свт. Филарета (по-русски, а для желающих — и по-церковнославянски).

5. Свободно ориентироваться в настольном церковном календаре, знать основные посты, праздники и их смысл и т. д.

6. Прочитать и уметь выделить главное в книгах:

— свт. Феофан Затворник. Путь ко спасению;

— авва Дорофей. Поучения;

— беседа преп. Серафима Саровского с Мотовиловым;

— прот. А.Шмеман. За жизнь мира; Исторический путь Православия;

— митр. Сурожский Антоний. Беседы о вере и Церкви;

— архиеп. Финляндский Павел. Как мы веруем.

Документы для поступления принимаются до 10 сентября

по адресу: ул. Покровка, 29, кв. 38

с 10.00 до 18.00, кроме субботы и воскресенья.

Телефон для справок 923-0380.